

ISSN 2219-5246
ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 1, 2017

Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60994 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- С. А. Сырбу**, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- В. Н. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдаванский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. техн. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5246
ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

Issue 1, 2017 **Jurisprudence. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.**
Journalism and Advertising. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60994 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov**, Doctor of Economics
(*Chairman*)
- S. A. Syrbu**, Doctor of Chemistry
(*Vice-Chairman*)
- V. I. Nazarov**, Doctor of Psychology
(*Vice-Chairman*)
- K. Ya. Averbukh**, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov**, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva**, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik**, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova**, Doctor of History
- L. V. Mikheeva** (*Secretary-in-Chief*)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon**, Doctor of Physics
and Mathematics
(*Chief Editor of the Series*)
- V. I. Nazarov**, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova**, Candidate of Science,
Pedagogics
- M. V. Klyuev**, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev**, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky**, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov**, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky**, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev**, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina**, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev**, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription

in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Юриспруденция

Борисова О. В. Субъектный состав уголовно-исполнительного правоотношения	5
Карлявин И. Ю. Юридическая и цивилистическая герменевтика	11

Психология

Когаловская А. С. Идеи русской философии как основания психотерапевтического процесса	17
Круглова Е. А., Попель Н. В., Раскумандрина М. Е. Особенности профессионального психического выгорания у государственных служащих и педагогов	21

Педагогика

Веремьёва Н. В. Особенности моделирования компетентностно ориентированных уроков в современной школе	26
---	----

Социология

Кареев Д. В. Социально-психологические особенности конфликтов в организациях и технологии их разрешения	36
Беда А. Н., Панкратова Е. В. Концептуализация понятия «счастье» в отечественной и зарубежной социологии	42
Смирнова И. Н. 3D-сознание: прошлое, настоящее и будущее в оценках современных студентов	47

Журналистика и реклама

Страшнов С. Л. Хронотоп как категория поэтики и типологии СМИ	54
--	----

Международные отношения

Соколова С. В., Черноперов В. Л. Проблема прав человека и демократии в отношениях Белоруссии и Европейского союза	65
<i>Сведения об авторах</i>	76
<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	78

CONTENTS

Jurisprudence

- Borisova O. V.** Subject composition of the penitentiary legal relationship 5
Karlyavin I. Y. The juridical and the civil hermeneutics 11

Psychology

- Kruglova E. A., Popel N. V., Raskumandrina M. E.** Peculiar features of civil servants and teachers professional burnout..... 17
Kogalovskaya A. S. Ideas of Russian philosophy as the basis of psychotherapeutic process 21

Pedagogics

- Veremyova N. V.** The features of modeling a competence-based lessons in a modern school 26

Sociology

- Kareev D. V.** Social and psychological peculiarities of conflicts in organizations and technologies of their resolution 36
Beda A. N., Pankratova E. V. Conceptualizing the notion of «happiness» in Russian and foreign sociology 42
Smirnova I. N. 3D-consciousness: past, present and future through the eyes of modern students 47

Journalism and Advertising

- Strashnov S. L.** Chronotope as a category of poetics and mass-media typology 54

International Relations

- Sokolova S. V., Chernoperov V. L.** Human rights and democracy in relations between Belorussia and the European Union 65

Information about the authors 76

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 78

ББК 67.409.0

О. В. Борисова

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Анализируется понятие субъектов как элементов уголовно-исполнительного правоотношения. Субъекты делятся на основные и дополнительные. К основным субъектам отнесены осужденный и государство. Рассматривается современное законодательное описание субъектов. Предлагается закреплять элементы правового положения субъектов в законе, а не в подзаконных актах.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное правоотношение, осужденный, государство, права и обязанности, наказание.

The article is devoted to the concept of subjects as a component of the penitentiary legal relationship. The subjects are divided into the main and additional ones. The main subjects are a convict person and a state. Contemporary subjects' description in the law is analyzed. The author proposes to specify the components of subjects' legal status in the Law, not in executive power acts.

Key words: penitentiary legal relationship, a convict, state, rights and duties, penalty.

Уголовно-исполнительное правоотношение возникает и развивается в связи с исполнением и отбыванием уголовного наказания, назначенного обвинительным приговором суда. Субъекты данного правоотношения являются одним из элементов его структуры и определяют его своеобразие [3, с. 90]. Современная теория уголовно-исполнительного права безоговорочно признает самостоятельный характер уголовно-исполнительных правоотношений. В учебной литературе, относящейся к данной отрасли, субъектами правоотношений, как правило, называют учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, с одной стороны, и осужденных — с другой [9, с. 25; 10, с. 26—27]. Такой подход к определению субъектов представляется методологически неточным: исполнение наказаний рассматривается как изолированный процесс. В не очень далеком прошлом, когда уголовно-исполнительное право только начинало выделяться в качестве самостоятельной отрасли права, обозначенный подход, возможно, имел определенный смысл, так как позволял обособить отрасль от уголовного права, подчеркнуть ее своеобразие. Однако в настоящее время необходимо теоретически выверенное определение субъектов, учитывающее место уголовно-исполнительного права в системе правовых средств противодействия преступности.

Уголовно-исполнительные правоотношения возникают в процессе реализации уголовного охранительного правоотношения. Последнее трактуется

© Борисова О. В., 2017

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

в теории (хотя и *небезоговорочно**) как отношение между преступником и государством, возникшее в связи с совершенным преступлением [8, с. 16; 4, с. 179—200; 12, с. 173]. Следовательно, субъекты данных видов правоотношений должны совпадать. При исполнении наказания преступник приобретает статус осужденного, а государство выступает в качестве учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание. В учебной литературе все же встречается указание именно на государство как субъекта: «Основой и основным стержнем предмета уголовно-исполнительного права являются отношения между осужденными и государством. Отсюда, в силу исключительной специфичности отношений, неизбежно возникает необходимость особо тщательной регламентации и правового обеспечения деятельности учреждений и органов, на которые возложена обязанность исполнения уголовных наказаний» [11, с. 26]. Данный тезис верно подчеркивает специфику учреждений и органов, исполняющих наказания, и правовой основы их деятельности. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ содержится глава 3 «Учреждения и органы, исполняющие наказания, и контроль за их деятельностью». Повидимому, ее наименование и побуждает ученых определять субъекта правоотношения в том виде, который мы сейчас оспариваем. Однако для этого определения вернее использовать ч. 1 ст. 10 УИК РФ: «Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний». Данная норма открывает главу 2 «Правовое положение осужденных» и обозначает субъекта, противостоящего осужденному в правоотношении, — Российское государство.

Указанные нами субъекты — основа субъектного состава общего уголовно-исполнительного отношения, характерного для процесса исполнения любого вида уголовного наказания и существующего на всем протяжении реализации данного процесса. Конкретные же правоотношения предполагают одну неизменную сторону — осужденного и представляющий государство в каждом отдельном случае орган или учреждение, исполняющие наказание. Например, в отношении по поводу исполнения и отбывания обязательных работ будут участвовать осужденный и уголовно-исполнительная инспекция как государственное учреждение уголовно-исполнительной системы.

Государство представляет в уголовно-исполнительном правоотношении управомоченную сторону, наделенную правом применить к осужденному меры принуждения, правоограничения, свойственные назначенному виду наказания. Это основная роль данного субъекта в правоотношении, вытекающая из сути последнего. Разумеется, государство имеет в этом правоотношении и обязанности, в том числе указанные в вышеназванной ч. 1 ст. 10 УИК РФ.

Действующие от имени государства учреждения и органы, исполняющие наказания, перечислены в ст. 16 УИК РФ. Причем в этой норме предусмотрен только один орган — суд, исполняющий дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград. В остальном указанные в норме образования являются учреждениями двух отраслей исполнительной власти:

1) юстиции:

а) уголовно-исполнительной системы (уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, арестные дома (фактически не существуют), исправительные учреждения);

* Например, Н. А. Лопашенко именует его уголовно-регулятивным [5, с. 29].

б) службы судебных приставов (судебные приставы-исполнители);
2) обороны (относящиеся к военной полиции гауптвахты и дисциплинарные воинские части, командование воинских частей).

Субъектами отношений по исполнению наказания могут быть также вышестоящие по отношению к названным учреждениям органы. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 75¹ УИК РФ территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее 10 суток со дня получения копии приговора (определения, постановления) суда вручает осужденному к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении предписание о направлении к месту отбывания наказания и обеспечивает его направление в колонию-поселение. Однако в основном вышестоящие органы не участвуют непосредственно в исполнении наказаний, а на основе Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [1] осуществляют управленческие и контрольные функции. Соответствующие данным функциям правоотношения по своей природе являются административными. В настоящее время звучат обоснованные предложения о расширении участия территориальных органов УИС в исполнении наказания и исправлении осужденных [13].

Обратимся к другому субъекту уголовно-исполнительного правоотношения — осужденному. Его определение дано в ч. 2 ст. 47 УПК РФ: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным». Осужденный становится субъектом уголовно-исполнительного отношения в момент возникновения последнего, т. е. в момент вступления в силу обвинительного приговора суда (ст. 7 УИК РФ). Ю. А. Головастова, исходя из характера данного юридического факта, сделала вывод о том, что «осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений» — материально-процессуальная категория уголовно-исполнительного права [2, с. 235]. Однако то же самое можно сказать и о государстве, поскольку со вступлением приговора в законную силу его деятельность перетекает из сферы уголовно-процессуальной в сферу уголовно-исполнительную. Поэтому скорее целесообразно говорить о наличии процессуального элемента в уголовно-исполнительном правоотношении в целом. В статусе осужденного он лишь отражен более отчетливо, поскольку осужденный, в отличие от государства как системного образования, — целостная фигура, один человек.

Осужденный, отбывающий наказание, является объектом принуждения. Этим определяется его роль в уголовно-исполнительном отношении. С точки зрения статуса осужденного она выражается в его обязанностях и установленных для него запретах, которые, по верному замечанию Ю. А. Головастовой, преобладают над правами осужденного [2, с. 238]. Именно с обязанностей начинается описание правового положения осужденного в УИК РФ (ст. 11). Обязанности воплощают правоограничения, свойственные наказанию в целом и его конкретному виду. При установлении обязанностей законодатель, на наш взгляд, должен стремиться к тому, чтобы максимально четко предусмотреть их в законе и не допустить расширения их круга на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и ч. 1 ст. 10 УИК РФ. В настоящее время в регламентации обязанностей и запретов наблюдается перекос в сторону подзаконного регулирования. Так, для осужденных, отбывающих лишение свободы, обязанности даже не предусмотрены в отдельной статье УИК РФ (подобно тому, как это сделано, например, для осужденных к обязательным и исправительным работам; соответственно ст. 26 и 40), но они большим

перечнем включены в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 16.12.2016 г. № 295 (пп. 16, 17). Приложением № 1 к данному акту установлен Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать [14]. На наш взгляд, Перечень как нормативное предписание, ограничивающее право собственности осужденного, должен содержаться в федеральном законе. Идею о закреплении в законе ограничений для осужденных высказывает и Р. Н. Халилов, предлагая указать в УИК РФ, а не в подзаконном акте (как сейчас) на возможность личных обысков осужденных — полных (с раздеванием) и неполных (без раздевания) [13, с. 14].

В регламентации правового статуса осужденного есть и другие особенности, которые, по нашему мнению, следует оценить критически. Современное международное и российское право определяет элементы правового статуса с использованием формул «каждый имеет право на...», «никто не должен...». В литературе верно отмечается, что формулы, указывающие, что соответствующие права и свободы относятся к каждому человеку, правильно акцентируют внимание на охране прав каждой отдельной личности [4, с. 135]. Однако применительно к осужденному законодатель предпочитает использовать множественное число: «осужденные обязаны ...» (лишь в главе 5 УИК РФ говорится об осужденном к штрафу в единственном числе). На наш взгляд, мы встречаемся здесь с отголоском советской политики исполнения наказаний, которой было свойственно отношение к осужденным как к безликой массе.

То же можно сказать и о терминологии, в которой описывается привлечение осужденных к труду. В Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (пп. 142, 149) встречается выражение «трудоиспользование осужденных» [14]. В современных условиях оно совершенно неуместно: данное выражение противоречит оценке осужденного как личности, обладающей правами.

Поскольку уголовно-исполнительное законодательство регулирует исполнение не только наказаний, но и некоторых иных мер уголовно-правового характера, постольку субъектами уголовно-исполнительного отношения являются также условно осужденные и осужденные, которым отбывание наказания отсрочено.

Помимо государства и осужденного, в уголовно-исполнительном правоотношении принимают участие многие органы, организации и физические лица. Вопрос об их роли и наименовании вызывает различные трактовки в специальной литературе. Так, В. Д. Филимонов и О. В. Филимонов, определяя субъектов уголовно-исполнительных отношений, писали: «В отдельных случаях их субъектами могут быть общественные объединения, священнослужители и родственники осужденных» [12, с. 288]. В учебной литературе к субъектам отношений относят также надзирающего прокурора, а всех иных лиц, обладающих «меньшим объемом прав и обязанностей» именуют либо субъектами [7, с. 144—145], либо участниками уголовно-исполнительных отношений [10, с. 27]. Предлагается также ввести понятие «третьи лица как субъекты уголовно-исполнительных правоотношений» [2, с. 241]. Вряд ли этот процессуальный термин будет уместен в данной отрасли. По нашему мнению, всех лиц, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях, следует именовать их субъектами, поскольку именно субъект наделяется правами и обязанностями. Государство и осужденного можно назвать основными субъектами, а остальных лиц — дополнительными.

Общим для дополнительных субъектов является то, что они участвуют не во всех, а только в отдельных уголовно-исполнительных отношениях и только наряду с основными субъектами. Данные субъекты весьма разнородны. Можно провести не строгую их классификацию, но типологию, опираясь на общие групповые признаки.

1. Государственные и муниципальные органы и организации, исполняющие требования приговора — деятельность, наиболее близкую к процессу исполнения наказания. Данная группа субъектов реализует в повседневной практической деятельности правоограничения, связанные с назначенным наказанием, и при этом выступает обязанным субъектом по отношению к учреждениям и органам, исполняющим наказания, и управомоченным субъектом по отношению к осужденному. Рассмотрим данную группу более подробно.

Во-первых, в нее входит работодатель — в тех случаях, если исполнение наказания связано с трудовой или служебной деятельностью осужденного, его статусом как работника или получением им заработной платы. Мы используем здесь обобщенное наименование. В УИК РФ употребляется термин «администрация организаций», в которых осужденные отбывают обязательные работы (ст. 28), в которых работают осужденные к исправительным, принудительным работам (ст. 43, 60⁹) или к лишению права заниматься определенной деятельностью (ст. 34). Сюда же должен относиться государственный орган или орган местного самоуправления, где служит осужденный, которому запрещено занимать определенную должность. К сожалению, в УИК РФ этот субъект прямо не обозначен. Вообще, «администрация организаций» не только слишком узкий, но и несовременный термин. Работодателем может быть и индивидуальный предприниматель, но закон этого не учитывает. Далее, работодатель исполняет требования приговора о взыскании штрафа, если тот исполняется в принудительном порядке — путем обращения взыскания на доходы осужденного. При осуществлении контроля за поведением условно осужденного работодатель участвует в реализации возложенной судом на условно осужденного обязанности не менять место работы (п. 114 приказа Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [6]), трудиться или трудоустроиться. Наконец, требования приговора реализует работодатель в отношении осужденного к лишению свободы, привлеченного к труду: центры трудовой адаптации осужденных и производственные (трудовые) мастерские исправительных учреждений, федеральные государственные унитарные предприятия уголовно-исполнительной системы и организации иных организационно-правовых форм, расположенные на территориях исправительных учреждений или вне их (ч. 1 ст. 10 УИК РФ).

Во-вторых, к субъектам, исполняющим требования приговора, относятся государственные органы, полномочные аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью, запрещенной для осужденного (ст. 35 УИК РФ), и должностное лицо, присвоившее осужденному звание, классный чин или наградившее его государственной наградой (ст. 61 УИК РФ).

2. Государственные органы и организации, в полномочия которых входят контроль и надзор за исполнением наказания: международные организации, внутригосударственные органы, осуществляющие государственный контроль, в том числе судебный и ведомственный; прокуратура, осуществляющая надзор, общественные наблюдательные комиссии. Особенность

данной группы субъектов состоит в том, что они находятся вне процесса исполнения наказания, но обладают различными полномочиями по воздействию на основных субъектов уголовно-исполнительного правоотношения.

3. Субъекты, оказывающие помощь осужденному и участвующие в его исправлении. К ним относятся образовательные и медицинские организации, лица, оказывающие осужденному юридическую и психологическую помощь, общественные объединения (попечительские советы, фонды), религиозные объединения и священнослужители как их представители, родственники осужденного и иные лица, которые поддерживают с ним социально полезные связи; граждане — работники, вместе с которыми осужденный трудится. На наш взгляд, в данную группу входят также средства массовой информации, как институт гражданского общества, различные организации (культурно-просветительские, спортивные) и граждане, по личной инициативе содействующие реализации различных средств исправления осужденных.

4. Потерпевший как лицо, уполномоченное на получение возмещения вреда, причиненного преступлением, и на получение информации о различных стадиях исполнения наказания — прибытии осужденного к месту отбывания наказания, изменении вида исправительного учреждения, освобождении осужденного от отбывания наказания и др. (ст. 17, ч. 3 ст. 47¹, ч. 2⁴ ст. 78, ч. 2¹ ст. 81, ч. 6¹ ст. 97, ч. 4 ст. 140, ст. 172¹, ч. 2, 3, 3¹ ст. 175, ч. 3 ст. 177, ч. 2 ст. 190 УИК РФ).

Итак, субъектный состав уголовно-исполнительного правоотношения собирает в себя всех лиц, обладающих правами и обязанностями в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний, а также мер уголовно-правового характера. Среди этих лиц государство и осужденный могут считаться основными субъектами, иные лица — дополнительными.

Библиографический список

1. Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.
2. Головастова Ю. А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 244 с.
3. Головастова Ю. А. Понятие уголовно-исполнительного правоотношения: методологические проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2015. № 4. С. 86—91.
4. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование : механизм и система. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 262 с.
5. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.
6. Российская газета. 2009. 14 августа.
7. Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. : учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина, 2010. Т. 1 : Общая часть. 344 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
9. Уголовно-исполнительное право : учебник для вузов / отв. ред. А. С. Михлин. М. : Высш. образование, 2007. 431 с.
10. Уголовно-исполнительное право : учебное пособие / под ред. С. Я. Лебедева, С. М. Иншакова, А. М. Багмет. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2015. 287 с.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

11. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. П. Е. Конегера, М. С. Рыбака. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010. 624 с.
12. Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
13. Халилов Р. Н. Территориальные органы Федеральной службы исполнения наказаний как субъекты процесса исправления и реабилитации осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 29 с.
14. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.12.2016).

ББК 67.00

И. Ю. Карлявин

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Цивилистическая герменевтика является разновидностью юридической герменевтики. Как искусство толкования речей и текстов цивилистическая герменевтика берет свое начало в римском частном праве. Как система научных знаний цивилистическая герменевтика, как и юридическая, — продукт развития философии права. Несмотря на общие корни, цивилистическую герменевтику от юридической отличают источники, предмет толкования, а также специфика способов и элементов толкования. В статье дается описание предпосылок формирования цивилистической герменевтики.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, цивилистическая герменевтика, римское частное право, источники толкования.

The civil hermeneutics is a variety of the juridical hermeneutics. The civil hermeneutics and the juridical hermeneutics as parts of the scientific knowledge are the product of the philosophy of law development. The sources, the interpretation object and the specificity of the ways and elements of the interpretation distinguish the civil hermeneutics from the juridical hermeneutics in spite of their common roots. In this article the author provides a description of the prerequisites of the formation of the civil hermeneutics.

Key words: juridical hermeneutics, civil hermeneutics, Roman private law, sources of the interpretation.

«Герменевтика» в переводе с древнегреческого означает: разъяснение, толкование, перевод, теория интерпретации текста и его понимание.

Принято считать, что в процессе познания и понимания друг друга люди используют ими же придуманные символы. Человек входит в мир символов (знаков), благодаря которому и вступает во взаимоотношения с обществом, становясь его неотъемлемой частью. Связующим звеном между индивидом и обществом является язык. Исходя из этого можно утверждать, что не только в тексте, но и в творчестве вообще должны находить реализацию задачи, поставленные перед герменевтикой. Уже в Античности и Средние века герменевтику стали определять как науку и искусство толкования (*exegese*)

© Карлявин И. Ю., 2017

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

основополагающих, наиболее значимых для того времени текстов, прежде всего Библии и законов.

В Новое время сфера применения герменевтики постепенно расширилась и герменевтика развилась в учение о предпосылках и методах обстоятельной интерпретации и философии понимания [21].

С XIX столетия, благодаря творчеству И. Канта, который решительно выступил в поддержку теории рационализма в границах человеческого познания, герменевтика, наряду с другими проблемами, обратилась к разрешению вопросов исторической взаимосвязи человеческих мыслей и понимания. Благодаря деятельности выдающихся герменевтов XX столетия, в частности Х.-Г. Гадамера, герменевтика перестала ограничиваться языковыми принципами и все чаще стала прибегать к свидетельствам исторических и культурных традиций [19].

Герменевтика как искусство интерпретации берет свое начало в античной экзегезе, толковании Танах и древнеиндийских учениях. Интерпретация библейских текстов послужила своего рода двигателем развития и выделения герменевтики в самостоятельную научную дисциплину.

Особую роль в эволюции герменевтической науки и выделении из нее юридической герменевтики сыграла рецепция римского права. Для развития юридической герменевтики было важным не столько то понимание текстов, которое привнесли римские юристы, сколько догматика римского права в ее применении к миропорядку Нового времени. Именно из рецепции римского права стала произрастать правовая наука в тесной взаимосвязи с герменевтическими и догматическими задачами. Учение о толковании теперь могло опираться не только на усмотрение законодателя. Оно теперь должно было возвысить основу закона до герменевтического масштаба.

Разработка проблематики, связанной с герменевтикой, в России берет свое начало, по мнению А. В. Васюк [6, с. 8—12], лишь со второй половины XIX в. Здесь можно выделить несколько этапов. Дореволюционный — с середины XIX в. до 1917 г. В этот период предпринимается попытка сформулировать понятие юридической герменевтики, систематизировать правила и определить ее место в системе правовых наук. Среди работ отечественных исследователей выделяются труды Ю. С. Гамбарова, М. Н. Капустина, И. А. Покровского [10, 11, 17] и ряда других. На втором этапе, с 1917 г. по 1950-е гг., в советской правовой доктрине должного внимания герменевтике не уделяется. В следующий период, с 1950 г. по 1990-е гг., правовая наука вновь обращается к проблематике, связанной с герменевтикой, свидетельством чему являются работы таких авторов, как А. Я. Берченко, А. Б. Венгеров, С. И. Вильнянский, Н. Н. Вопленко, А. С. Пиголкин [4, 7, 8, 9, 15].

Современный этап развития юридической мысли в России характеризуется, как отмечает А. В. Васюк, оживлением интереса к юридической герменевтике, прежде всего в трудах теоретиков права Е. Н. Атарщиковой, Н. В. Блажевича, И. Н. Блажевича, И. П. Малиновой, Н. В. Малиновской, А. И. Овчинникова, А. Е. Писаревского, В. А. Сулова, Н. И. Хабибулиной, И. Л. Честнова (см., напр.: [2, 5, 12, 13, 16, 18]).

Возвращаясь к истокам юридической герменевтики, рассмотрим ее особенности в римском частном праве и постараемся ответить на вопрос, можно ли говорить о цивилистической герменевтике.

Начнем с предположения о том, что цивилистическая герменевтика является ответвлением юридической герменевтики, появление которой, на наш

взгляд, относится ко времени возникновения предпосылок научного осмысления складывающегося законодательства и юридической практики. Значительную роль в обосновании существования юридической герменевтики, ее выделении из герменевтики вообще сыграли западноевропейские, главным образом немецкие, исследователи, подавляющее большинство которых были пандектистами. Этот бесспорный факт позволяет утверждать, что корневая система юридической герменевтики находится в римском частном праве, его догматике, а значит, в основе юридической герменевтики лежит цивилистика как система идей, методов, правовых конструкций и институтов.

Латинский термин *interpretatio* означал «толкование». *Interpretatio juris* — «определить назначение, установить и объяснить истинное правовое содержание (смысл) данной правовой нормы или правового действия». Интерпретация должна показать, что смысл толкуемых слов уже (*i. restrictive*), или шире (*i. extensiva*), или вообще иной (*i. abrogans*) [3, с. 159—160].

Обоснование сущности юридической герменевтики происходило постепенно, в строгом соответствии с законами формальной логики. Так, К. С. Захария отмечал, что слова в общеизвестном значении являются знаками и служат для выражения известных представлений. Представления, которые через слова находят свое выражение, называются значением слов. Сущность слов того или иного рода называется языком, в зависимости от того, насколько эта сущность соответствует известным закономерностям и подчинена им. Когда известные слова употребляются для того, чтобы сообщить определенные мысли другому лицу, возникает речь. Мысли, которые должны сообщаться с помощью речи другому лицу, именуются смыслом речи. Следовательно, само по себе разъяснение (толкование) означает: известные представления делать понятными. Понимать — означает знать то, чего хочет субъект.

Толковать или разъяснять возможно двояко — сослаться или на представления (заложенные в словах), или на обозначения (собственно на слова). В последнем случае речь идет о простом разъяснении того, что сказано, в первом разъясняется то, что речь несет в себе (тогда толкование выстраивается в работу над приданием речи потаенного смысла) [22, S. 1—3].

Наполнение слов смыслом или смыслами — первая ступень юридической интерпретации текстов. Римский юрист Павел отмечал: «Слово “право” употребляется в нескольких смыслах: во-первых, “право” означает то, что всегда является справедливым и добрым — каково естественное право. В другом смысле “право” — это то, что полезно всем или многим в каждом государстве, — каково гражданское право. Не менее правильно в нашем государстве называется “jus honorarium”. Говорится, что претор высказывает право (выносит решение), даже если он решает несправедливо; это слово относится не к тому, что претор сделал, но к тому, что ему надлежало сделать. В другом смысле “право” означает то место, в котором выносятся решения; здесь название переносится с того, что делается, на то, где это делается. Марциал дополняет этот перечень смыслов слова “право”, — иногда мы говорим “право” о родственных связях, например: “мне принадлежит право родства или свойства”» [14, с. 159].

Захария приходит к выводу о том, что герменевтика как искусство толкования есть наука о правилах, в соответствии с которыми необходимо уяснить смысл речи. Она по праву именуется искусством, поскольку имеет практическую значимость. Юридическая герменевтика — наука о правилах, в соответствии с которыми юридические волеизъявления должны становиться

понятными. Юридическая герменевтика есть разновидность герменевтики общей. Как и общая, юридическая герменевтика содержит теоретическую и практическую части, при реализации способов толкования юридическая герменевтика находится в определенной зависимости от источников толкования. Хотя юридическая герменевтика и соотнобразуется с общими философскими и научными правилами толкования, но обращает свое внимание на развитие собственных специальных юридических представлений в речи говорящего [22, S. 4—7].

В пользу возможности выделения в рамках юридической герменевтики цивилистической говорит следующая мысль Захарии: юридическая герменевтика не распространяет свое действие на речи и тексты, на сущность которых не распространяет свое действие право, например высказывания ученых или показания свидетелей. Юридическая (цивилистическая) герменевтика как специальная герменевтика лишь в том смысле является наукой, в каком ее сущность подчиняется определенным законам и, следовательно, находится в подчинении законам права. Это относится в одной части к законам юридической практики, в другой части — к специальным законам в определенной ими сущности. Толкованию в соответствии со специальными правилами могут подлежать волеизъявления как публичного, так и частного характера.

В соответствии с этими разграничениями выделяются следующие группы волеизъявлений, подлежащих толкованию [22, S. 87]:

— публичные (законы, судебные решения, предписания и распоряжения). По мнению Захарии, все волеизъявления публичного характера не имеют своих собственных правил толкования и подчиняются правилам толкования законов;

— частные (договоры и односторонние волеизъявления).

Другой известный немецкий автор, Й. Ланг, предлагает давать дефиницию герменевтики через представление о толковании, которое он определяет как процесс развития смысла речи. Язык есть средство сообщения, необходимое людям для организации их сосуществования. В широком смысле язык есть выражение чувств и мыслей. С помощью языка вырабатываются связующие людей представления.

Связь языка с представлениями, заключенными в нем, имеет прямой и обратный характер, что составляет основу герменевтического круга, или цикла. Ланг отмечает, что если речь должна быть понятна, то слушающий ее или читающий текст должен не только связывать понятия с определенными словами, которые говорящий или пишущий взаимоувязал, но и использовать правильную связь слов друг с другом. Эта взаимосвязь слов является смыслом речи, или мыслью, выраженной в словах. Смысл формируется согласно ряду представлений, которые находят выражение в соответствии с определенными правилами взаимоувязки слов. Как различаются между собой слово, абзац и речь, так различаются между собой значение, понимание и смысл. Специфической чертой герменевтики, по убеждению Ланга, является необходимость учитывать характер языка, на котором выполнен текст, в неразрывной совокупности мыслительного и письменного способов, которые применяет автор текста или речи.

Как и Захария, Ланг из общей герменевтики выделяет юридическую герменевтику, которая служит раскрытию и развитию юридической мысли там, где она наиболее часто находит свое словесное или письменное выражение. Каждая правовая мысль имеет, по Лангу, непосредственную практическую взаимосвязь, она нормирует поведение. Мысль, которая нормирует поведение, является волей. Таким образом, юридическая герменевтика есть

измерение и объяснение юридической воли, отраженной в речи, или развитие смысла юридической нормы. Нормы, которые в состоянии развить смысл и продемонстрировать его юристу, являются или нормативными актами — законами, которые выражают общую совокупность воли, или нормами обычного права или правоприменительной практики судов, или, наконец, частной волей индивидов. Объективное право обычно предоставляет свободную реализацию волеизъявлений и придает им связующую силу. Форма, в которой находит выражение частная воля, — это не объективный закон, а автономное частное волеизъявление.

Первоначальными, сущностными сферами юридической герменевтики, по мнению Ланга, являются: законы, правовые обычаи, судебные акты, односторонние сделки и договоры.

Юридическое толкование имеет одинаковые задачи с общей герменевтикой: содержание речи или текста должно определяться в соответствии с правилами формальной логики, форма — с правилами грамматики, обе эти составляющие объединяются в исторически определенном объекте.

Сущностным принципом юридической герменевтики является то, что каждая отдельно взятая правовая мысль в своем отношении к праву в целом исследуется в соответствии с духом действующего права и формой познания.

В рамках юридической герменевтики выстраивается собственная теория толкования норм, относящихся к законам, правовым обычаям, судебным решениям, односторонним и двусторонним сделкам и другим волевым актам. Эта теория включает в себя, во-первых, расширенные правила толкования, касающиеся всех волеизъявлений, во-вторых — особенные (об объективных нормах и обычаях), в-третьих — о судебных решениях, в-четвертых — особенные правила толкования частных волеизъявлений [20, S. 22].

Анализируя приведенные умозаключения немецкоязычных исследователей, можно сделать вывод о том, что если предметом толкования являются источники, содержащие юридически значимые волеизъявления, то характер последних неизбежно влияет на характер способов их толкования. Если герменевтика вообще является научно разработанной системой правил для толкования, то для специальной герменевтики, коей выступает юридическая и цивилистическая герменевтика, должны существовать специальные источники, из которых эти правила вытекают. Для цивилистической герменевтики это гражданское законодательство, обычай и обычай делового оборота, сделки, включая договоры, а также решения судей.

В основе правил толкования лежат константы, которые необходимо знать и понимать для целей толкования. Таковыми являются элементы толкования, принужденные находиться во взаимосвязи, а иногда и входящие в противоречие друг с другом. Необходимые элементы толкования речи или текста (текст закона) — грамматическое и логическое толкования. Простейший пример речи, в которой, безо всякого сомнения, находят свою взаимосвязь грамматическое и логическое толкования, — римские стипуляции (клятвы), которыми, в частности, оформлялись сделки. Римский юрист Гай отмечает, что «торжественное выражение: “обещаешь дать? обещаю” до такой степени свойственно римским гражданам, что даже нельзя найти соответствующего термина в греческом языке, хотя говорят, что эта формула образована по образцу греческого слова» [14, с. 99].

В заключение приведем определение юридической герменевтики, данное С. С. Алексеевым, который отмечал, что герменевтика — это наука и искусство

толкования юридических терминов и понятий, являющаяся вершиной юридического мастерства, кульминационным пунктом юридической деятельности. Ее предназначение — поиск и реализация смысла правового текста в процессе изучения условий понимания и проблем множественности смыслов [1, с. 130].

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия : опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
2. *Атарицкова Е. Н.* Герменевтика в праве : (историко-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 400 с.
3. *Бартошек М.* Римское право. Понятие, термины, определения. М. : Юрид. лит., 1989. 446 с.
4. *Берченко А. Я.* Применение советского социалистического права. М. : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 221 с.
5. *Блажевич Н. В., Блажевич И. Н.* Герменевтика правового текста. Тюмень : Тюмен. юрид. ин-т МВД РФ, 2006. 78 с.
6. *Васюк А. В.* История возникновения и развития юридической герменевтики в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 215 с.
7. *Венгеров А. Б.* О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. 1966. Вып. 6. С. 3—9.
8. *Вильнянский С. И.* Толкование и применение гражданско-правовых норм // Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института. 1948. Вып. 2. 76 с.
9. *Вопленко Н. Н.* Официальное толкование норм права. М. : Юрид. лит., 1976. 118 с.
10. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Часть общая. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 781 с.
11. *Капустин М. Н.* Теория права : (юридическая догматика). М. : Катков и Ко, 1868. Т. 1. 352 с.
12. *Малинова И. П.* Философия права : (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1995. 128 с.
13. *Овчинников А. И.* Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 285 с.
14. Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 607 с.
15. *Пиголкин А. С.* Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962. 166 с.
16. *Писаревский А. Е.* Юридическая герменевтика : социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм : дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2004. 194 с.
17. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Пг. : Юрид. кн. склад «Право», 1917. 328 с.
18. *Суслов В. В.* Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115—118.
19. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen : Mohr Siebeck, 2010. S. 48—58.
20. *Lang J. J.* Beiträge zur Hermeneutik des Römischen Rechts. Stuttgart : J. G. Cotta'scher Verlag, 1857. 298 S.
21. *Nöth W.* Handbuch der Semantik. 2. Ausg. Stuttgart : Metzler Verlag, 2000. 418 S.
22. *Zachariä K. S.* Versuch einer allgemeinen Hermeneutik des Rechts. Meissen : K. F. W. Erbstein, 1805. 167 S.

ИДЕИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ОСНОВАНИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Рассматриваются идеи нравственной философии в России конца XIX — начала XX в., проблема смысла жизни как основания психотерапевтической работы с клиентом.

Ключевые слова: русская философия, философия клиента, ценности, смысл жизни.

This article discusses the ideas of the moral philosophy of Russia of the late XIX — early XX c., the problem of the meaning of life as the foundation of psychotherapeutic work with the client.

Key words: Russian philosophy, the philosophy of customer, values, the meaning of life.

Клиенты психолога, среди которых люди разного возраста и разного социального статуса, переживающие сложные жизненные катаклизмы, нередко задаются вопросами, связанными с осознанием жизненного смысла. У психолога, в свою очередь, возникает вопрос: на какие идеи и теории можно опереться в работе с такими клиентами. Полагаем весьма естественным и значимым обратиться в связи с этим к богатству русской философской и особенно религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX в., представленной именами Вл. Соловьева, С. Булгакова, Н. Бердяева, Е. Трубецкого, И. Ильина и других. В работах этих философов можно найти глубокое и многоплановое исследование указанных вопросов, отвечающее нашей ментальности, нашим культурным традициям.

По отношению к смысложизненным ориентациям русский религиозный мыслитель начала XX в. В. Ф. Марцинковский выделял следующие четыре группы людей [2].

1. Представители первой группы стараются не думать о смысле жизни. Они пытаются уйти от тяжелых дум и предпочитают разные виды бегства от действительности (наркотики, алкоголь и т. п.).

2. Представители второй группы стремятся усовершенствовать жизнь главным образом внешними способами, такими как перевороты, эволюции и революции. Смысл существования они видят в борьбе за новую, с их точки зрения, более совершенную жизнь.

3. Третью группу составляют те, кто, отчаявшись в поисках смысла бытия, уходят из жизни.

4. В четвертую группу входят люди, ищущие и находящие смысл жизни.

По Марцинковскому, за психологической помощью обращаются преимущественно люди, относящиеся к первым трем категориям.

Существуют разные концепции смысла жизни. Например, в атеистических концепциях утверждается, что смысл человеческой жизни в самой жизни.

Но человеку, как правило, мало просто жить. Ему хочется жить для кого-то и во имя чего-то, т. е. следуя надличностным ценностям. И это побуждает его серьезно задумываться о своем месте в мире, в обществе, среди людей. Именно благодаря другим (близким и далеким), через других человек находит возможность самоосуществиться, обрести смысл жизни, обрести значимость своего бытия. Так, в нас продолжают свою жизнь наши ушедшие близкие, великие ученые, композиторы, писатели, поэты, борцы за свободу и счастье человечества. Память о них остается с нами. Все хорошее, доброе, нравственное, что создал человек (и не только великий), остается с нами — с его близкими и далекими. Мы продолжаем жить в наших детях, внуках, более дальних потомках.

В религиозных учениях утверждается, что жизнь на Земле — это очень важный этап бытия человека. Она имеет собственную ценность и значение. Но главный смысл земного бытия состоит в том, чтобы подготовиться к жизни вечной. Поэтому каждый человек должен прожить жизнь так, чтобы достойно подготовиться к жизни иной. В христианстве, например, земная жизнь истолковывается как период, необходимый для спасения души. И то, что согласно атеистической концепции является высшей ценностью и целью жизни человека, для людей с христианским миропониманием есть ценность-средство (инструментальная ценность, по терминологии Рокича).

Религия задает общие смысловые, мировоззренческие, ценностные ориентиры. Но для каждого конкретного человека все это воплощается в индивидуальной форме, характерной именно для него. Неслучайно Н. А. Бердяев говорит о поиске человеком своего пути как о его этическом творчестве. По сути, он подводит к мысли о том, что человек сам должен наполнять смыслом свое бытие.

Это перекликается с идеями Е. Н. Трубецкого, который считал, что вся наша жизнь есть, в конечном счете, искание смысла, что человеку присуще искание смысла-цели и жестокое страдание из-за окружающей нас бессмыслицы. Тот смысл, который мы ищем, в повседневном опыте нам не дан, не явлен: весь будничный опыт свидетельствует о противоположном — о бессмыслице [3, с. 262]. Он также утверждал, что наша жизнь есть стремление к цели, которая от начала и до конца представляется в виде иерархии целей: «У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой безусловно стоит жить» [3, с. 275].

Бердяев видел смысл жизни в творчестве, т. е. в создании абсолютного нового, в прорыве «из ничего, из небытия, из свободы» в бытие и мир. Человек, писал Бердяев, является творцом и «призван к творчеству» [1, с. 136]. Творческое отношение к жизни — это «долг и обязанность» человека [1, с. 141].

Интересная попытка синтетического решения проблемы смысла жизни (на религиозной основе) была предпринята Е. Н. Трубецким. Он говорит о *Вере в смысл, Надежде на смысл*, которыми сознательно или бессознательно приводится в движение все человеческое; и воля, и чувство, и мысль, и всякий неуспех на этом пути являются лишь новым толчком к самопознанию и вместе с тем — к сознанию того смысла, который мы ищем и которым, сами того не ведая, живем [3, с. 267]. «Если есть смысл жизни, — писал Е. Н. Трубецкой, — то он должен быть силою, всепобеждающею. Он должен открыться в самом страдании, в самой немощи твари, в неудачах ее искания, в ее высшей, предельной муке, более того — в самой ее смерти» [3, с. 246]. Даже стремление к самоубийству он рассматривает как свидетельство силы

этого стремления к смыслу и отчаяния, проистекающего из неудачи в его достижении.

Трубецкой понимает «смысл» как общезначимое мысленное содержание: «Волей-неволей вся жизнь строится в расчете на какую-то безусловную цель; а свидетельство совести говорит нам о том, что эта цель, ради которой стоит жить, есть некоторая объективная правда, безусловная и всеобщая, которая бесконечно возвышается над всяким субъективным желанием и мнением» [3, с. 245—246]. Но кроме этого общего значения, слово «смысл» имеет, согласно Трубецкому, еще значение положительной и общезначимой ценности, и именно в таком значении оно понимается, когда ставится вопрос о смысле жизни. Ибо смысл-истина не совпадает со смыслом-целью, с ценностью [3, с. 260]. К этому присоединяется другая существенная особенность смысла, считает Трубецкой. В отличие от состояний сознания, изменчивых и текучих, смысл устойчив, «неизменен и неподвижен» [3, с. 247].

Изменчивости событий, представлений философ противопоставляет «всеединое и безусловное сознание». Для него это и необходимое предположение, и необходимая точка опоры всего познавательного процесса. Только через подъем к этому безусловному всеединому сознанию, в котором содержится смысл-истина всего, что есть, возможно спастись от заблуждений, от хаотической бессмыслицы своих представлений [3, с. 272].

«Прежде всего в жизни человечества мы найдем сколько угодно воспроизведений бессмыслицы всеобщего круговращения... И в этом круговращении сам человек становится колесом неизвестно для чего вертящейся машины», — пишет Трубецкой [3, с. 267]. Спасением от хаоса и бессмыслицы становится позиция личности, ее отношение к действительности: мир бессмыслен, но я это сознаю, и поэтому мое сознание свободно от этой бессмыслицы: «Поскольку я сознаю эту суету, я в ней не участвую, мое сознание противопоставляется ей как что-то другое, от нее отличное. Сознательный суету, как сознающий, стоит вне порочного круга. Чтобы осознать суету, наша мысль должна обладать какой-то точкой опоры вне ее» [3, с. 271].

Ярким проявлением присущего нам сознания жизненного смысла, согласно идеям Трубецкого, является *Со-весть о должном*, т. е. «сознание о какой-то безусловной правде, которая должна осуществляться в жизни вопреки царствующей в ней неправде... Голос совести представляет собой не более и не менее как отклик сознания на запрос, истекающий из самой глубины жизненного стремления» [3, с. 274].

Трубецкой использует понятие «мировой смысл», в котором всякое жизненное стремление достигает своего окончательного удовлетворения, всякая жизнь достигает полноты. Еще одно понятие — «полнота жизни», осуществимая лишь при условии окончательного прекращения борьбы за жизнь [3, с. 284—285].

Философ пытается придать смысл окружающей человека бессмысленности: «Суд огня, “испытующего дело каждого”... выражается... в отделении тленного от нетленного. Когда смертное сгорает, вечно живое остается. С одной стороны, ад вторгается в мир; но с другой стороны, душа освобождается из плена; начинается пробуждение и сосредоточение сил духовных» [3, с. 352].

Он рассматривает испытание бессмысленностью как шанс очищения и возрождения: «С одной стороны — сгустившаяся над миром тьма, с другой стороны — усилившееся религиозное искание, в котором уже чувствуются

зачатки положительного откровения. С одной стороны — массовое озверение, с другой стороны — духовный подъем: страдания сковывают духовные силы. Одни приближаются к крайнему пределу падения, к полной утрате образа человеческого. Но в то же время другие с небывалой силой слышат призыв к нетленному. <...> Общность страдания и несчастья повышают в людях сострадание, сочувствие и готовность к деятельной помощи друг другу. Причинная связь между духовным ростом и неблагополучием показывает, до чего неблагополучие бывает нужно человеческой душе» [3, с. 356].

Таким образом, в нравственной философии России конца XIX — начала XX в. проблема смысла жизни ставилась двояко: как по преимуществу социальная, общественная проблема и как духовно-нравственная, личностная. Сторонники первой позиции были убеждены в том, что смысл человеческой жизни состоит в служении народу, высшим общественным идеалам и принципам, реализации себя в деятельности на благо народа и общества. Сторонники второй позиции рассматривали смысл жизни как духовно-нравственную проблему, что предполагало анализ глубинных запросов человеческой души. Ориентация на духовные, а не материальные ценности характерна для представителей русской религиозной философии. Ее богатейшее наследие, в частности идеи Трубецкого, применимо в психологической практике. Связь этих идей с задачами психологической помощи нам видится в следующем:

— для того чтобы быть способным помочь клиенту, необходимо понять его философию (его мировосприятие, его жизненные ценности, все то, что является или может стать его надличностной опорой);

— большое значение имеет исследование личностных смыслов-целей и ценностей клиента; содействие осознанию и принятию клиентом бессмысленности; исследование того, как она им воспринимается и как он справляется с нею;

— важным критерием найденного смысла является его «неизменность и неподвижность» (термины Е. Н. Трубецкого), т. е. сохранение его значимости даже в изменяющихся обстоятельствах;

— *Вера в смысл, Надежда на смысл* — это то, что может осмысливаться и обсуждаться в процессе консультирования психологами экзистенциального направления. Они, так же как Трубецкой, полагают, что *Вера в смысл, Надежда на смысл* обладают огромной мотивирующей силой, пробуждают энергию и волю к жизни;

— важно пытаться осознать индивидуальный смысл (то, что бесконечно дорого человеку, ради чего он живет).

Все это лишь малая часть из того богатства русской религиозной философии, которое может быть использовано непосредственно в психологической практике.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. О назначении человека : опыт парадоксальной этики. Париж : Со-врем. зап., 1931. 320 с.
2. Марцинковский В. Ф. Смысл жизни. Новосибирск : Посох, 1996. 272 с.
3. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Русские философы (конец XIX — середина XX века) : антология / сост. С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова. М. : Кн. палата, 1994. Вып. 2. С. 244—372.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

ББК 88.809.2-69

Е. А. Круглова, Н. В. Попель, М. Е. Раскумандрина

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ПЕДАГОГОВ

Анализируется феномен профессионального психического выгорания, характерный для представителей социэкономических профессий.

Ключевые слова: синдром профессионального психического выгорания, профессиональный стресс.

The article analyzes the phenomenon of professional burnout characteristic of the representatives of socioeconomy professions.

Key words: professional burnout, professional stress.

Среди проблем профессиональной деятельности в сфере «человек — человек» ведущее место занимают проблемы профессионального стресса и профессионального психического выгорания. Данные вопросы изучаются с физиологической, психологической и поведенческой позиций. Развитие стресса на рабочем месте выделено как важная научная проблема в связи с его влиянием на работоспособность, эффективность труда, качество жизни и здоровье человека [1]. Интенсивное межличностное взаимодействие, свойственное коммуникативным профессиям, предъявляющим высокие требования к психологической устойчивости сотрудников в ситуациях делового общения, может представлять собой риск развития синдрома профессионального выгорания [2].

На значимость феномена профессионального выгорания и факторов его формирования указывают многочисленные исследования зарубежных и отечественных ученых (К. Маслач, С. Джексон, В. Е. Орел, В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, Т. В. Форманюк и другие).

Профессиональное выгорание является динамическим процессом и возникает поэтапно, в полном соответствии с механизмом развития стресса. Симптомы профессионального психического выгорания могут появиться у обычных людей, не имеющих каких-либо отклонений в психике. Это реакция не на острый, а на хронический стресс, результатом которой становятся: ухудшение качества работы (из-за истощения или цинизма); опоздания, больничные листы, преждевременные уходы с работы (человек стремится свести к минимуму расход энергии и времени на рабочем месте); текучесть кадров (вследствие увольнений); проблемы со здоровьем; злоупотребление алкоголем, лекарствами (как попытка справиться со стрессом); семейные проблемы (конфликты, разводы) и т. д. В целом синдром профессионального психического выгорания является скорее не разновидностью стресса, а следствием влияния комплекса стрессовых факторов [1].

© Круглова Е. А., Попель Н. В., Раскумандрина М. Е., 2017

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Главная причина выгорания — конфликт между ресурсами человека и требованиями, предъявляемыми к нему им самим и обществом, в результате которого возникает душевное переутомление, нарушается состояние равновесия. Единых взглядов на причины и предпосылки профессионального выгорания не существует. Одни ученые считают основными предпосылками наличие организационных проблем, другие полагают более важными личностные характеристики [3, 4].

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи возникновения и развития синдрома профессионального психического выгорания у государственных служащих и педагогов школьных образовательных учреждений с их личностными и поведенческими характеристиками. Выбор испытуемых обусловлен тем, что госслужащие и педагоги являются профессионалами, которые постоянно находятся в ситуации делового и личного общения с разными категориями населения, их деятельность связана с повышенной ответственностью и высоким уровнем эмоциональной напряженности.

В исследовании приняли участие 40 государственных служащих и 40 педагогов школьных образовательных учреждений Ивановской области. Использовались следующие методики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко; индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик (ИТО); копинг-тест Р. Лазаруса; методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубнова.

Первым шагом нашего исследования было изучение фаз и симптомов профессионального выгорания с помощью методики В. В. Бойко.

Согласно результатам диагностики, начальная фаза синдрома выгорания — «напряжение» — у педагогов находится в стадии активного формирования. На это указывает наличие основных симптомов данной фазы — переживания психотравмирующих обстоятельств, тревоги и депрессии. У госслужащих начальная фаза синдрома не развита.

Фаза «резистенция» (сопротивление стрессу) в обеих группах испытуемых находится в стадии формирования. Из наиболее характерных симптомов данной фазы следует отметить эмоционально-нравственную дезориентацию, расширение сферы экономии эмоций и редукцию профессиональных обязанностей. Однако количественный анализ этих симптомов показал, что педагоги чаще, чем госслужащие, прибегают к экономии эмоциональных ресурсов и испытывают утрату интереса к людям, общению, отношениям. А симптом эмоционально-нравственной дезориентации, свидетельствующий о потребности в самооправдании, вытеснении из сознания неприятных фактов, больше выражен у госслужащих. Наиболее сложившимся симптомом фазы «резистенция» в обеих группах является неадекватное эмоциональное избирательное реагирование. Таким образом, неадекватная экономия эмоций и ограниченная эмоциональная отдача за счет выборочного реагирования свойственна профессионалам обеих групп.

Согласно результатам исследования, выраженность третьей фазы профессионального выгорания, фазы истощения, в группе педагогов выше, чем у госслужащих. Складывающимися симптомами этой фазы у госслужащих являются эмоциональный дефицит и эмоциональная отстраненность. Данные показатели свидетельствуют о том, что чиновники часто не в состоянии войти в положение других людей, соучаствовать, сопереживать, у них все реже проявляются положительные эмоции и все чаще отрицательные. Кроме того, им свойственно реагирование без чувств и эмоций, что выступает результатом

психологической защиты. У педагогов в процессе формирования находятся такие симптомы истощения, как эмоциональный дефицит и психосоматические и психовегетативные нарушения. Это говорит о непосредственном влиянии выгорания на психическое и физическое здоровье педагогов.

Таким образом, у педагогов и госслужащих фазы профессионального выгорания находятся в стадии формирования. Однако их выраженность в группе педагогов выше, чем у госслужащих.

Следующим шагом исследования стала диагностика личностных особенностей испытуемых. В первую очередь нас интересовали характеристики, являющиеся факторами риска возникновения невротических состояний, к которым относится профессиональное психическое выгорание. Мы выяснили, что сензитивность, тревожность и лабильность более выражены у педагогов. Эти характеристики у них близки к акцентуированным, что свидетельствует об их чувствительности и впечатлительности, эмоциональной неустойчивости, тревожности, склонности к рефлексии, пессимистичности в оценке перспективы.

Интересными представляются результаты изучения ценностных ориентаций испытуемых. Первые три места в структуре ценностных ориентаций обеих групп занимают помощь другим людям, признание и уважение людей и любовь. По всей видимости, преобладание указанных ценностей у педагогов и госслужащих объясняется «помогающим» характером их профессиональной деятельности: высокий статус и постоянное общение обязывают быть ответственными, коммуникабельными, вежливыми, аккуратными и чуткими к проблемам людей. Показательным является тот факт, что ценность общения у госслужащих и педагогов находится на одном из последних мест. Это может свидетельствовать о развитии психологической защиты в форме эмоционального дефицита, эмоциональной и личностной отстраненности.

Для изучения способов преодоления испытуемыми трудностей в различных сферах психической деятельности был применен копинг-тест Р. Лазаруса. Результаты исследования показали, что представители обеих групп практически не используют способы преодоления трудностей с низким уровнем напряженности, т. е. адаптивный вариант копинга. Единственной копинг-стратегией, значение которой приближается к адаптивному варианту, является «принятие ответственности» в группе госслужащих. В группе педагогов числовое значение по шкале «принятие ответственности» указывает на то, что адаптационный потенциал личности находится в пограничном состоянии, близком к высокому уровню. Выраженность данной стратегии в поведении может приводить к неоправданной самокритике и самобичеванию, переживанию чувства вины, хронической неудовлетворенности собой, что часто выступает одной из причин психосоматических и психовегетативных нарушений.

Самый высокий уровень выраженности в обеих группах имеет копинг-стратегия «самоконтроль». Преодоление негативных переживаний за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на восприятие ситуации и выбор стратегии поведения, высокий контроль поведения, стремление к самообладанию являются основной поведенческой характеристикой испытуемых обеих групп.

В целях проверки гипотезы о взаимосвязи симптомов профессионального психического выгорания и личностных характеристик испытуемых мы провели корреляционный анализ полученных эмпирических данных.

Результаты анализа показали, что появлению фазы «напряжение» у испытуемых обеих групп способствует аггравация — стремление подчеркнуть имеющиеся проблемы и сложность собственного характера. Такая особенность личности, как тревожность (эмоциональность, восприимчивость, незащищенность), выявленная у госслужащих, также может привести к возникновению начальной фазы синдрома выгорания, а спонтанность (импульсивность и непродуманность в высказываниях и поступках), наоборот, помогает снижать психоэмоциональное напряжение.

Формирование следующей фазы профессионального выгорания у госслужащих — резистенции — имеет обратную связь с экстраверсией и спонтанностью испытуемых. Положительное влияние на личность, переживающую стресс, оказывает ее открытость, стремление к расширению круга контактов, общительность, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей. Такие личностные характеристики, как интроверсия и тревожность, способствуют формированию фазы сопротивления у госслужащих. Это можно объяснить обращенностью личности в мир субъективных представлений и переживаний, тенденцией к уходу в мир иллюзий, фантазий и субъективных идеальных ценностей, сдержанностью, замкнутостью, а также восприимчивостью и незащищенностью.

Проанализировав взаимосвязь резистенции с типологическими характеристиками личности в группе педагогов, можно сделать вывод о том, что аггравация, агрессивность и тревожность вызывают развитие данной фазы профессионального выгорания. В стадии резистенции педагоги чаще применяют копинг-стратегию «бегство-избегание» — преодоление негативных переживаний по типу уклонения от решения проблемы, ее отрицания, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т. п. Отрицательными сторонами такого стиля поведения являются невозможность разрешения проблемы, вероятность накопления трудностей, краткосрочный эффект предпринимаемых действий по снижению эмоционального дискомфорта. В фазе «резистенция» для педагогов наибольшую жизненную ценность имеет материальное благосостояние. Возможно, это обусловлено тем, что материальный достаток предоставляет больше возможностей для восстановления физического и психического состояния личности.

Стремление подчеркнуть имеющиеся проблемы, преувеличение сложности реальной жизненной ситуации, переживание эмоционального дискомфорта, который связан с ожиданием какого-либо неблагоприятного исхода или с предчувствием грозящей опасности, — все это способствует формированию завершающей фазы профессионального выгорания у педагогов, фазы истощения. В данной фазе педагоги в качестве способа совладания с трудностями применяют копинг-стратегию «бегство-избегание», что подтверждает наличие симптома эмоционально-личностной отстраненности.

Таким образом, на основании результатов, полученных нами в ходе эмпирического исследования психологических различий в проявлениях профессионального психического выгорания у госслужащих и педагогов, можно сформулировать следующие *выводы*.

1. В проявлениях профессионального выгорания у госслужащих и педагогов имеются различия. Значимые различия наблюдаются в уровне выраженности следующих симптомов: эмоциональной отстраненности, переживания психотравмирующих обстоятельств, расширения сферы экономии эмоций, психосоматических и психовегетативных нарушений. Эмоциональная

отстраненность более характерна для госслужащих, остальные симптомы — для педагогов.

2. Значимых различий в степени выраженности индивидуально-типологических особенностей и ценностных ориентаций госслужащих и педагогов не выявлено. Личностные характеристики находятся в норме.

3. Значимое различие обнаружено в использовании копинг-стратегии «принятие ответственности», которое более характерно для педагогов.

4. Существуют сходства и различия в детерминации профессионального выгорания у педагогов и госслужащих. В обеих группах ему способствуют аггравация и тревожность. Различия проявляются в том, что к выгоранию у педагогов приводят агрессивность, стремление к благосостоянию и применение копинг-стратегии «бегство-избегание». Выгорание у госслужащих обусловлено интроверсией и стремлением к отдыху.

5. В ходе исследования выявлен ряд личностных особенностей, препятствующих формированию синдрома профессионального выгорания у госслужащих и педагогов. Это спонтанность, ригидность и экстраверсия. Госслужащие в большей степени, чем педагоги, обладают данными качествами, в связи с чем представители педагогической профессии более подвержены формированию синдрома профессионального выгорания.

Нам представляется необходимым дальнейшее изучение особенностей данного синдрома, уточнение его симптомов и факторов возникновения у представителей социономических профессий с целью разработки научно обоснованных оздоровительных программ, ориентированных на профилактику профессиональных деструкций личности и профессиональных заболеваний, а также на восстановление психоэнергетического потенциала работников.

Библиографический список

1. *Бойко В. В.* Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб. : Питер, 1999. 105 с.
2. *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания : диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2009. 336 с.
3. *Круглова Е. А.* Психологическая природа и специфика профессиональных деструкций личности педагогов // Международная научная школа педагогики и психологии. 2015. № 3 (11). С. 111—114.
4. *Орел В. Е.* Синдром психического выгорания личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 329 с.

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ УРОКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Рассматривается проблема реализации компетентностного подхода к образованию в современной школе. Приведены характеристики компетентностно ориентированного педагогического процесса, выделены особенности моделирования уроков с позиции данного подхода, отражены результаты опытно-экспериментальной деятельности по решению обозначенной проблемы.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенции, компетентность, компетентностная задача, модель урока.

The problem of realization of a competence-based concept of education in modern school is considered by the author. The features of competence-oriented pedagogical process and lessons' modeling according to that concept are given in the article. The results of experimental activities of solving that problem are described.

Key words: competence-based concept, competence, competent, competent task, model of a lesson.

Изучением психолого-педагогических условий реализации идей компетентностного подхода в общеобразовательной школе занимаются многие ученые, методисты и учителя-предметники. Процесс внедрения данного подхода в практику образования идет медленными темпами. Компетентностное образование зачастую воспринимается многими лишь как очередная директива по формальному изменению основной цели образования. В числе главных причин этого явления можно назвать следующие:

- традиционное сознание широкой педагогической общественности;
- недопонимание сущности компетентностного подхода и путей его внедрения в привычную образовательную практику иногда даже педагогами-исследователями;
- стремление получить практический результат внедрения элементов компетентностного подхода, если не «прямо сейчас», то «уже завтра»;
- переход к компетентностному образованию без опоры на признанную научным и педагогическим сообществом мощную педагогическую, а лучше психолого-педагогическую, теорию.

Проблема, поднимаемая в нашей статье, касается реализации компетентностного подхода на уроках, а именно определения особенностей моделирования современного урока при этом подходе. Цель исследования заключалась в выявлении психолого-педагогических условий и характеристик компетентностно ориентированных уроков.

Можно утверждать, что компетентностный подход выступает как самостоятельный наряду с технократическим, знаниевым, культурологическим

и другими подходами к образованию. С точки зрения данного подхода содержание образования — система образовательных компетентностей, представляющих собой комплексную процедуру, которая интегрирует совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, умений и знаний для эффективного решения личностно значимых и социально актуальных проблем в определенных сферах культуры и видах деятельности. В образовательную компетентность включены как когнитивный и операционально-технологический компоненты, так и мотивационная, этическая, социальная составляющие [3, с. 8].

Более того, компетентностный подход не ограничивается только рамками содержания образования, его трактуют как совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения, демонстрирующие генетическую близость данного подхода с культурологической концепцией содержания образования И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, В. В. Краевского (см.: [5]):

— главное предназначение образования заключается в развитии способности учащихся самостоятельно решать проблемы в различных видах деятельности на основе использования личностно принятого и освоенного социального опыта;

— содержание образования представляет собой педагогически адаптированный социальный опыт решения познавательных, нравственных, трудовых, коммуникативных, эстетических, физических и иных проблем;

— организация образовательного процесса способствует личностно ориентированному формированию у учащихся опыта самостоятельного решения проблем в различных видах деятельности.

В ходе исследования нами были изучены и проанализированы особенности реализации компетентностного подхода к образованию в условиях общеобразовательного учреждения, а также сами понятия «компетенция» и «компетентность» учащихся.

Компетенция — это прежде всего заказ общества на подготовку его граждан [12, с. 108]. По мнению И. С. Сергеева, компетенции представляют собой сочетание знаний, умений и опыта, обеспечивающих в своей совокупности способность решать практические задачи в различных сферах жизни и деятельности. Это внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выступают как факторы успешности/неуспеваемости, адаптивности/дезадаптивности, благополучия/неблагополучия подростка [11]. Под компетенцией понимается способность устанавливать связи между понятием и ситуацией, а также способность к осуществлению практических действий, требующих наличия понятийной системы знаний, а значит, соответствующего типа мышления, обуславливающего оперативное нахождение подходящей процедуры для решения проблемы или задачи.

Компетентность — это характеристика личности, означающая обладание совокупностью определенных компетенций, позволяющих решать задачи определенного класса, и наличие ряда личностных качеств, дающих возможность обоснованно судить о содержании компетентности и объекте ее приложения, а также регулировать процесс и результат проявления компетентности. Следовательно, компетентность включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую. Компетентность проявляется в умении осуществлять

выбор исходя из адекватной оценки своих возможностей в конкретной ситуации и связана с внутренней мотивацией на ценности образования. К ключевым свойствам компетентности, по мнению Е. П. Ильина, можно отнести следующие (см.: [9, с. 48]):

1. Знание как набор фактов, требуемых для выполнения работы, которое является более широким и основополагающим понятием, чем навыки. Знание представляет интеллектуальный контекст, в котором работает человек.

2. Навыки как владение средствами и методами выполнения определенной задачи, проявляющиеся в широком диапазоне: от физической силы и сноровки до специализируемого обучения. Общее свойство навыков — их конкретность.

3. Способность как врожденная предрасположенность выполнять некоторую задачу.

4. Стереотипы поведения как видимые формы действий, предпринимаемых для выполнения задачи.

5. Усилие (воля) как сознательное приложение в определенном направлении ментальных и физических ресурсов. Усилие составляет ядро рабочей этики. Любому человеку можно простить нехватку таланта или средние способности, но никогда нельзя простить недостаточные усилия.

Умение учиться можно определить как компетентность в сфере учебной деятельности, достаточную для успешного решения познавательных, коммуникативных, информационных, организационных и ценностно-ориентационных проблем, возникающих в процессе образовательной деятельности. С этой точки зрения формирование умения учиться означает прежде всего становление учащихся как субъектов образовательной деятельности, сознающих ее личностную значимость и способных определить цели этой деятельности в масштабе от урока до образовательной программы, рассчитанной на несколько лет. По мнению О. Е. Лебедева, компетентность — это способность действовать в ситуации неопределенности. Автор перечисляет несколько ее составляющих: мотивы деятельности; умение ориентироваться в источниках информации; умения, требующиеся для конкретных видов деятельности; теоретические и прикладные знания, необходимые для понимания сущности проблемы и выбора путей ее решения. Данный компонентный состав компетентности определен в соответствии с внутренней структурой учебной деятельности [8].

Исходя из разделения содержания образования на общее — метапредметное (для всех предметов), межпредметное (для цикла предметов или образовательных областей) и предметное (для каждого учебного предмета), А. В. Хуторской предлагает трехуровневую иерархию компетенций [12, с. 114—115]:

1. Ключевые компетенции — относятся к общему (метапредметному) содержанию образования.

2. Общепредметные компетенции — относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей.

3. Предметные компетенции — частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенций, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

4. Ключевые образовательные компетенции — конкретизируются всякий раз на уровне образовательных областей и учебных предметов для каждой ступени обучения.

Однако, по мнению И. С. Сергеева и В. И. Блинова, предметных ключевых компетенций не существует [11]. Существуют предметные знания,

умения и навыки, которые могут быть эффективно использованы на практике. И, как следствие, они выделяют (см.: [2, с. 45]):

- информационную компетенцию (готовность к работе с информацией);
- коммуникативную (готовность к общению с другими людьми; формируется на основе информационной);
- кооперативную (готовность к сотрудничеству с другими людьми; формируется на основе двух предыдущих);
- проблемную (готовность к решению проблем; формируется на основе трех предыдущих).

Следует согласиться с тем, что в настоящее время в отечественном образовании наиболее обоснованный набор ключевых компетентностей предложил А. В. Хуторской. Этот набор включает ценностно-смысловую компетентность, общекультурную, учебно-познавательную, информационную, коммуникативную, социально-трудовую, компетентность личностного самосовершенствования [13, с. 63]. В основу данного перечня ключевых образовательных компетенций положены главные цели общего образования, структурное представление социального опыта и опыта личности, а также основные виды деятельности ученика, позволяющие ему овладеть социальным опытом.

В ходе проектирования компетентностно ориентированных уроков мы исходили из того, что использование компетентностной модели в образовании предполагает принципиальные изменения в организации учебного процесса, управлении им, в деятельности учителей и преподавателей, способах оценивания образовательных результатов учащихся. Ученые называют проблемные ситуации, требующие использования ключевых компетентностей для их разрешения. Эти компетентности нужны «1) в познании и объяснении явлений действительности; 2) при освоении современной техники и технологии; 3) во взаимоотношениях людей, в этических нормах, при оценке собственных поступков; 4) в практической жизни при выполнении социальных ролей гражданина, члена семьи, покупателя, клиента, зрителя, горожанина, избирателя; 5) в правовых нормах и административных структурах и эстетических оценках; 6) при выборе профессии и оценке своей готовности к обучению в профессиональном учебном заведении, когда необходимо ориентироваться на рынке труда; 7) при необходимости разрешать собственные проблемы: жизненного самоопределения, выбора стиля и образа жизни, способов разрешения конфликтов» [1, с. 10].

Компетентностный подход к оценке достигнутых образовательных результатов предполагает ответы на следующие вопросы:

1. В каких видах деятельности выпускник школы способен самостоятельно решать задачи?
2. В каких сферах деятельности он способен решать задачи?
3. Какие стандартные задачи он способен решать?
4. Способен ли выпускник школы решать нестандартные задачи?
5. Способен ли он теоретически обосновывать выбранный способ?
6. Проявляет ли он интерес к самостоятельной постановке задач и поиску оптимальных способов их решения?

Иначе говоря, при анализе образовательных достижений учащихся на первый план выходит оценка их познавательных возможностей. Смыслом образования становится развитие возможностей учащихся в решении значимых для них проблем.

Главная задача учителя — мотивация учащихся на проявление инициативы и самостоятельности. Для этого необходимо организовать их

самостоятельную деятельность, в которой каждый мог бы реализовать свои способности и интересы. Фактически педагог создает условия, среду, в которой становится возможной выработка каждым учащимся определенных компетенций на уровне развития его интеллектуальных и прочих способностей. И что очень важно, это происходит в процессе реализации собственных интересов и желаний, приложения усилий, взятия на себя ответственности.

Таким образом, можно выделить следующие характеристики учебных ситуаций и условия, которые должен выполнять учитель. К ним относятся [6, с. 21—24]:

- самостоятельный выбор учащимися темы, уровня сложности задания и т. д.;
- самостоятельная учебная деятельность (самостоятельное осуществление разных видов работы);
- осознанность цели работы и ответственность за результат;
- реализация индивидуальных интересов учащихся;
- групповая работа (распределение обязанностей, планирование, дискуссия, оценка и рефлексивное обсуждение результатов);
- формирование понятий и организация своих действий на их основе;
- использование системы оценивания, адекватной требуемым образовательным результатам;
- демонстрация учителем компетентного поведения.

Конкретизируя эти условия, следует определить возможные приемы и действия учителя:

- поощрять попытки что-то сделать самостоятельно;
- демонстрировать заинтересованность в успехе учащихся по достижению поставленных целей;
- побуждать к постановке трудных, но реалистичных целей;
- побуждать к выражению своей точки зрения, отличной от точек зрения окружающих;
- побуждать к апробированию других способов деятельности, мышления и поведения;
- включать учащихся в разные виды деятельности, способствующие развитию у них разных способностей;
- применять разные формы мотивации учащихся и поддерживать их активность;
- строить собственную картину мира на основе понимания культурных образцов;
- создавать условия для проявления инициативы на основе собственных представлений;
- учить не бояться высказывать свое понимание проблемы;
- учить задавать вопросы и высказывать предложения, гипотезы;
- учить выслушивать и стараться понять мнение других, сохраняя право не соглашаться с ним;
- учить понимать и уважать других людей, имеющих иные ценности, интересы и способности;
- учить определять свою позицию относительно обсуждаемой проблемы и свою роль в групповой работе;
- добиваться полного понимания учащимися критериев оценки результатов их работы;
- учить осуществлять самооценку своей деятельности и ее результатов по известным критериям;

- учить работать в группе, понимая, в чем состоит конечный результат, выполняя свою часть работы;
- показывать, что лежит в основе эффективной работы группы;
- формировать готовность брать на себя ответственность за конечный результат;
- формировать готовность находить свое место в коллективной деятельности сообразно своим интересам и способностям;
- делиться с учениками своими мыслями, чувствами, ожиданиями относительно проблемы, темы или ситуации их деятельности;
- показывать, как можно самостоятельно учиться и создавать новое;
- воздерживаться от роли кладезя мудрости и знания;
- поддерживать учащихся, когда они делают ошибки, и помогать справляться с ними;
- показывать относительность любого знания и его связь с ценностями, целями и способами мышления тех, кто их породил;
- демонстрировать учащимся, что осознание того, что они чего-то не знают, не умеют или не понимают, является первым шагом к «знаю», «умею» и «понимаю».

Практическая направленность современного урока способствует иной расстановке доминант в содержании образования: объектом усвоения становятся не столько знания, сколько востребованные в жизни умения. В условиях адаптации компетентностного подхода к российской образовательной системе его реализация может быть осуществлена путем встраивания практико-ориентированного компонента в традиционное содержание на уровне учебного материала.

Одним из наиболее эффективных видов организации учебного материала, отвечающих современным требованиям, является компетентностная задача. Компетентностную задачу можно рассматривать как форму организации учебного материала, смоделированную в виде квазиз жизненной ситуации, призванную формировать предметные, межпредметные и ключевые компетентности учащихся. Ее целевое предназначение определяется тремя позициями:

- формированием системы универсальных учебных действий;
- обеспечением условий для применения предметных знаний, умений и навыков в новых, незнакомых для учащихся межпредметных ситуациях;
- приобретением учащимися опыта решения задач жизненного характера.

Компетентностная задача имеет следующие типологические признаки:

1) представляет собой достаточно объемный текст с числовыми данными и дополнительной информацией в виде знаково-символических моделей, географических карт, реалистических рисунков, фото, имеющих сложную структуру в виде системы преамбул и практико-ориентированных заданий;

2) характеризуется недоопределенностью и «зашумленностью» (в тексте представлены не все необходимые для решения и/или избыточные данные);

3) имеет несколько способов решения, осуществляемых в интегративной плоскости;

4) обладает возможностью получения разных ответов, удовлетворяющих требованию задачи, а также в разных формах: графической, количественной;

5) способствует формированию собственной позиции относительно описанной проблемы (имеет выход на исследовательский проект).

Интерес к компетентностной задаче связан с ее многоплановыми возможностями, определенными как свойства дидактической комплексности

и содержательной целостности. Дидактическая комплексность обусловлена системой дидактических целей, направленных на развитие у школьников компетентностей трех уровней: 1) ключевой учебно-познавательной компетентности средствами формирования системы универсальных умений; 2) межпредметной — на уровне переноса освоенных предметных знаний, умений и навыков в другие предметные области; 3) предметной — в формате проектируемых задач. Дидактическая комплексность предполагает включение в состав задачи разноплановых по дидактической функции структурно-содержательных компонентов, необходимых для достижения триединой цели. Под содержательной целостностью понимается рассмотрение объекта как устойчивого целого, описанного в многообразии свойств и особенностей [4, с. 46—47].

Проведенная нами опытно-экспериментальная работа по реализации рассмотренных выше условий и характеристик компетентностно ориентированных уроков состояла из трех этапов.

1. *Организационный этап* включал в себя:

- знакомство с учащимися;
- выявление уровня готовности учащихся, их интересов в ходе начальной диагностики;
- выбор методов, приемов, форм обучения и технологий для реализации компетентностного подхода на уроках;
- моделирование компетентностно ориентированных уроков.

2. *Процессуальный этап* заключался в проведении формирующего эксперимента с применением следующих методов и приемов реализации компетентностного подхода на уроках:

- методов формирования информационной компетенции (задания на поиск информации в справочной литературе, сети Интернет, подготовка вопросов к тексту, составление таблиц, подготовка докладов);
- методов формирования коммуникативной и кооперативной компетенций (фронтальная, индивидуальная работа, сотрудничество при выполнении заданий);
- методов формирования ценностно-смысловой компетенции (коллективное целеполагание, коллективное подведение итогов, проблемные вопросы);
- методов и приемов в рамках фронтально-индивидуальной работы (самостоятельная работа в группах/парах, лабораторные и практические работы, ролевые и деловые группы);
- методов и приемов в рамках индивидуальной работы (работа с внешними источниками);
- методов активного обучения (деловые игры, ролевые игры, дискуссии);
- методов и приемов проблемного обучения (эвристические беседы, проблемные вопросы);
- методов активизации критического мышления (найти непонятные слова и выражения в тексте, выяснить их значения, найти слова в непривычном употреблении, найти слова, использованные в переносном значении, составить план не словами, а рисунками, схемами, знаками);
- методов взаимообучения (коллективного, группового, в парах);
- модернизированных интерактивностью традиционных методов обучения;
- деятельностных методов и приемов обучения (учебная дискуссия, диалог, деловые игры, ролевой подход, игры и конкурсы, кроссворды, сканворды, ребусы);

- демонстрации (показ) того, как приобретаемые сегодня знания, умения и навыки могут понадобиться при изучении последующего материала;
- создания проблемной ситуации с целью разрешения парадоксов;
- решения нестандартных задач на смекалку и логику;
- апелляции к жизненному опыту учеников.

Нами были также использованы технологии игрового, проектного, проблемного и модульного обучения. Цель применения модульного обучения состоит в содействии развитию самостоятельности учащихся, их умений работать с учетом индивидуальных способов освоения учебного материала. Проблемное обучение позволило формировать у учащихся умения самостоятельно конструировать знания, ориентироваться в информационном пространстве, творческое мышление, умение видеть, формулировать и решать проблему. Проживая в течение урока определенные социальные роли, учащиеся приобрели готовность к самоопределению в будущей профессиональной деятельности. Ученики вместе с учителем в ходе выполнения учебных проектов исследовали явления окружающей жизни в рамках изучаемых тем. Самостоятельная работа ребят состояла в планировании своей деятельности, ее выполнении, анализе и оценке качества информации. Нами отмечены преимущества проектной технологии: при ее использовании проявляется энтузиазм учеников в работе, их заинтересованность, научная пытливость, умение работать в группе, самоконтроль, самодисциплинированность, связь с реальной жизнью. Примечательно, что технология проектов позволяет успешно развивать познавательные и творческие способности учащихся и критическое мышление, умения самостоятельно конструировать свои знания и ориентироваться в информационном пространстве. Применение игровой технологии дало возможность сконцентрировать внимание школьников на учебном материале, который воспринимался ими в этом случае как желанный. Игра сделала более доступными сложные задачи обучения и способствовала становлению осознанной познавательной мотивации школьников. Одним из преимуществ игры является то, что она всегда требует активных действий каждого ребенка, а также предусматривает работу в группах [10, с. 120].

Использование представленных методов, приемов и технологий работы позволило нам не только формировать у обучающихся компетенции, но и добиться хороших результатов в развитии и воспитании личностных качеств учащихся.

3. *Оценочно-аналитический этап* включал:

- 1) итоговую диагностику готовности учащихся с целью определения уровня сформированности развиваемых компетенций;
- 2) обработку данных, полученных в ходе опытно-экспериментальной работы;
- 3) обобщение и качественный анализ результатов опытно-экспериментальной работы;
- 4) разработку методических рекомендаций для учителей по проведению компетентностно ориентированных уроков.

Эффективность применения компетентностного подхода на уроках мы оценивали по двум критериям:

- 1) уровню освоения учащимися компетенций с опорой на таблицу «Конструктор КОЗ»;
- 2) особенностям выполнения учащимися компетентностно ориентированных задач (КОЗ).

Рассмотрим результаты опытно-экспериментальной работы по *первому критерию*. На основе конструктора вопросов таблицы Ю. Залега были

сформулированы 42 КО-задания, которые реализовывались на каждом из уроков. Задания входили в различные этапы урока — в опрос домашнего задания, учебную беседу, проведение лабораторной работы и др., т. е. выполнялись на каждом из его этапов. Никаких затруднений у учащихся не вызвали задания уровней «ознакомление», «понимание», «применение», «анализ», «синтез». В результате использования заданий, сконструированных при помощи «Конструктора КОЗ», на уроках данные уровни были освоены успешно. Хуже учащиеся освоили более сложный уровень — «оценка». Многих учеников удивила формулировка вопроса: она показалась несколько нестандартной. Однако к третьему уроку был замечен результат успешного решения таких заданий. Мы констатировали, что способность к выполнению заданий уровня «оценка» у учащихся формируется на основании накопленной базы знаний, развития умений, навыков и способностей находить решение нестандартных заданий.

Обратимся к обсуждению результатов с точки зрения *второго критерия* — выполнения КОЗ. Основными аспектами для оценки решения КОЗ являлись четыре интегративных умения: понимание представленной информации, предложение способа решения задания, обоснование способа решения проблемы, предложение альтернативных вариантов. Каждое умение оценивалось по 4-балльной шкале: 0 — «нет», 1 — «скорее нет», 2 — «скорее да», 3 — «да».

Использование КОЗ позволило получить информацию о том, что учеником освоено, что освоено не в полной мере, что мешает применять полученные знания, умения и навыки на практике, а также вызывает затруднения при разрешении социально значимых проблем.

По результатам решения учащимися КОЗ проведен тщательный количественный и качественный анализ работ (отдельно по каждому заданию) и выявлены положительные изменения в овладении интегративными умениями и способами выполнения заданий. Оценивание результатов выполнения КОЗ по 12-балльной шкале дало нам возможность детально определить качество решения заданий и выявить, что именно у учащихся вызывает затруднения, что является простым в их понимании и др., для планирования дальнейшей коррекционной, консультативной и индивидуальной работы. Решение КОЗ позволяет анализировать качество процесса и результатов развития интегративных умений учащихся.

Нами также было установлено, что некоторые методы, приемы и формы обучения (в частности, монолог учителя, фронтально-индивидуальный опрос, самостоятельная индивидуальная работа учащихся с учебником по требованию учителя, демонстрация видеофильма, традиционная форма оценивания) сами по себе минимально работают на развитие ключевых компетенций и требуют модернизации за счет включения элементов интерактивности. Основные трудности в организации и проведении компетентностно ориентированных уроков определяются следующим:

— преобладает ориентированность учащихся на воспроизведение и репродуктивную познавательную деятельность;

— внедрение новых идей и технологий в обучение затруднено ввиду неготовности самих педагогов;

— отсутствует методическое обеспечение компетентностно ориентированных уроков.

Таким образом, нами были выявлены и обоснованы следующие особенности компетентностно ориентированных уроков:

1. Необходимо, чтобы психолого-педагогические условия способствовали активизации самостоятельности и инициативности учащихся.

2. Применение компетентностно ориентированных задач и заданий должно быть неотъемлемым элементом современных уроков.

3. Моделирование уроков в условиях компетентностного подхода невозможно без ориентации на формирование информационной, коммуникативной, кооперативной и ценностно-смысловой компетенций, что, в свою очередь, требует тщательного отбора и применения соответствующих методов, приемов и технологий обучения.

В результате обучения с применением компетентностно ориентированных уроков учащийся формирует компетенции, которые имеют практическое значение не только для учебной, но и личной, социальной жизнедеятельности. Следует отметить, что ранее нами были изучены и опытно-экспериментальным путем доказаны особенности моделирования компетентностно ориентированного педагогического процесса в вузе [2], это позволило более осторожно отнестись к решению проблемы реализации идей данного подхода на уроках в общеобразовательной школе.

Библиографический список

1. *Болотов В. А.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8—14.
2. *Веремьяева Н. В.* Развитие профессионально-личностной компетентности студентов в процессе их психолого-педагогической подготовки / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2009. 176 с.
3. *Воровщиков С. Г.* Учебно-познавательная компетентность старшеклассников: состав, структура, деятельностный компонент / Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования. М., 2006. 160 с.
4. *Дубова М. В.* Компетентностные задачи как форма учебного материала // Педагогика. 2012. № 1. С. 46—52.
5. *Змеев С. И.* Компетенции и компетентности преподавателя высшей школы XXI века // Педагогика. 2012. № 5. С. 69—74.
6. *Иванов Д. А.* Компетенции и компетентностный подход в современном образовании. М.: Чистые пруды, 2007. 32 с. (Библиотечка «1 сентября». Сер.: Воспитание. Образование. Педагогика; вып. 6 (12)).
7. *Калиниченко Э. Б., Захаров С. А., Акчурин С. В.* Методические рекомендации по использованию методов активного обучения в учебном процессе. Саратов: Саратов. гос. аграр. ун-т, 2011. С. 9—10.
8. *Лебедев О. Е.* Определение целей урока с позиции компетентностного подхода // Школьные технологии. 2012. № 1. С. 10—17.
9. *Сафонцев С. А., Черных О. В.* Модель компетенций учебной дисциплины // Школьные технологии. 2012. № 1. С. 48—52.
10. *Селевко Г. К.* Энциклопедия образовательных технологий. М.: Нар. образование, 2006. Т. 1. С. 120—121.
11. *Сергеев И. С., Блинов В. И.* Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности. М.: АРКТИ, 2007. 132 с.
12. *Хуторской А. В.* Дидактическая эвристика: теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.
13. *Хуторской А. В.* Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58—64.

ББК 88.504

Д. В. Кареев

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И ТЕХНОЛОГИИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Затрагиваются проблемы природы социального конфликта, процесса его разрешения, профилактики, регулирования. Описываются стили и методы разрешения конфликта.

Ключевые слова: конфликт, социальный конфликт, стили разрешения конфликта, модели разрешения конфликта, переговоры.

The article deals with such problems as the nature of a social conflict in an organization, processes of its resolution, prevention and regulation. It describes styles and methods of conflict resolution.

Key words: conflict, social conflict, styles of conflict resolution, models of conflict resolution, negotiations.

Организация является основной ячейкой в структуре современного общества и представляет объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих исходя из определенных правил и процедур. Организация — это также и система скоординированного поведения, механизмами которого выступают правила, регуляторы, стандартные процедуры. Также важным является тот факт, что люди в процессе вхождения в организацию жертвуют частью своей свободы и делают это для достижения личных и организационных целей, и если бы организация оказалась неспособна удовлетворять цели своих членов, то она быстро бы их лишилась. Весьма часто возникают ситуации, когда цели отдельных сотрудников или даже целых подразделений противоречат друг другу. Если при этом сотрудники должны по условиям работы взаимодействовать, то возникает конфликт.

Конфликт в организации — это столкновение между субъектами совместной деятельности (индивиды, группы, структуры) в рамках организации или в межорганизационном пространстве. **По составу сторон** конфликты, возникающие в организациях, можно разделить на четыре категории:

- внутриличностные;
- личность — личность (межличностные);
- группа — группа (межгрупповые);
- группа — личность.

Внутриличностный конфликт выражается борьбой противоречий внутри человека, сопровождаемой эмоциональной напряженностью. Одна из его самых распространенных форм — ролевой конфликт, возникающий, ко-

гда человеку предъявляются противоречивые требования по поводу того, каким должен быть результат его работы. Внутриличностный конфликт возникает и в результате того, что требования не согласуются с его личностными ценностями, а также как ответ на рабочую перегрузку или обратный этому процесс.

«Личность — личность» является наиболее часто возникающим в организациях типом конфликта. Он обусловлен особенностями не только ситуации, но и отношений и оказывает влияние на многие стороны жизни коллектива и его членов. Межличностный конфликт отражает психологическую атмосферу всей организации и отдельного коллектива.

Возникновение межличностных конфликтов определяется: а) трудовым процессом и производственной ситуацией; б) личностным своеобразием членов коллектива; в) отношением личности к ситуации; г) психологическими особенностями межличностных отношений.

Межличностные конфликты в организациях — это, по большей части, во-первых, конфликты по вертикали, когда стороны находятся на разных уровнях управленческой иерархии, и, во-вторых, конфликты по горизонтали, когда стороны расположены на одном уровне иерархии [1, с. 138].

Помимо этого, межличностные конфликты можно подразделить на следующие виды:

— возникающие как реакция на препятствия к достижению основных целей деятельности, получение определенного продукта (конфликты по поводу невыполнения функциональных обязанностей и др.);

— вызванные факторами, препятствующими достижению людьми личных целей трудовой деятельности (конфликты по поводу заработной платы, премий, отпусков и др.);

— обусловленные несоответствием поведения партнеров по работе нормам и ценностям, принятым в коллективе (различное отношение к опозданиям на работу и др.);

— возникающие на основе личных взаимоотношений людей, их притязаний, особенностей личности (взаимные симпатии и антипатии людей, имеющие место в каждом коллективе и во многом формирующие социально-психологический климат, и др.).

Конфликты «группа — группа» возникают в организациях как между структурными подразделениями, так и между группами сотрудников одного подразделения. В межгрупповом конфликте наблюдается противостояние по линии «мы — они»: «мы» — хорошие, «они» — плохие; «мы» болеем за общее дело, а «они» — эгоисты, саботажники, «их» волнуют только собственные интересы. Каждая из сторон в межгрупповом конфликте использует это противостояние для собственного сплочения, получая ощутимый психологический выигрыш от сознания собственной правоты на фоне «очевидной» неправоты другой стороны.

Конфликты «группа — личность» могут иметь самые разнообразные проявления. Иногда они длительное время существуют в латентной форме и выражаются время от времени в форме неожиданных для стороннего наблюдателя эмоциональных вспышек, а иногда принимают характер длительной и систематической травли неугодного члена коллектива.

Если различать конфликты в организациях *по их источникам*, то наиболее часто встречаются такие, как:

1) структурные конфликты, причиной которых являются противоречия в задачах, решаемых сторонами конфликта;

2) инновационные конфликты, возникающие в связи с изменениями в структуре организации;

3) позиционные конфликты, характерные для организаций с линейно-штабной структурой и возникающие как на межличностном, так и на межгрупповом уровне;

4) конфликты справедливости, проявляющиеся обычно в сфере распределения материального вознаграждения; как правило, они возникают по вертикали и связаны с неясностью или неопределенностью критериев оплаты труда и премирования;

5) соперничество за ресурсы, когда исполнители, между которыми распределяется тот или иной ресурс, ставят в зависимость от его получения выполнение своих служебных задач;

6) динамические конфликты, которые имеют социально-психологическую природу и обычно возникают в новых коллективах, где еще не устоялась неформальная структура.

По значению для организации конфликты делятся на конструктивные и деструктивные.

Конструктивный конфликт возникает, когда оппоненты не выходят за рамки этических норм, деловых отношений и разумных аргументов. Причинами обычно являются недостатки в организации деятельности и управления. Разрешение такого конфликта приводит к развитию отношений между людьми и развитию группы. Его последствия функциональны и ведут к повышению эффективности работы организации.

Деструктивный конфликт возникает, когда одна из сторон жестко настаивает на своей позиции и не желает учитывать интересы другой стороны или организации в целом либо когда один из оппонентов прибегает к нравственно осуждаемым методам борьбы, стремится психологически подавить партнера. Последствия такого конфликта дисфункциональны и приводят к снижению личной удовлетворенности, результатов группового сотрудничества и эффективности работы организации.

Таким образом, из всей совокупности отношений, в том числе и конфликтных, в организации формируется специфическая организационная субкультура, или социально-культурная система. Также вырабатывается общеорганизационная корпоративная культура, от которой зависят формы протекания конфликтов, способы их регулирования и их последствия.

Вопрос об *управлении конфликтами* вытекает из принципиального понимания конфликтов как неотъемлемой стороны общественных процессов, как их источника и движущей силы творческой деятельности людей, но вместе с тем и как детерминанта проблем и трудностей развития. Если бы конфликт понимался только как патологическое явление в обществе, ведущее к дезорганизации социальной системы, то отношение к нему сводилось бы к его ликвидации или подавлению. Признание конфликта закономерным явлением в обществе, движущей силой его развития расширяет и углубляет проблему обращения с ним [4, с. 112].

Управление конфликтом есть целенаправленное воздействие на его процесс, обеспечение решения социально значимых задач. Управление конфликтами включает в себя: их прогнозирование, предупреждение одних и стимулирование других, их прекращение и подавление, регулирование и разрешение [2, с. 212]. Активное вмешательство в возникший конфликтный

процесс может приобретать разнообразные формы: урегулирование конфликта, его подавление и, наконец, собственно разрешение.

Сколько бы ни были разнообразны конфликты, процесс их разрешения характеризуется некоторыми общими чертами. Прежде всего, как часть более широкого управленческого этапа этот процесс осуществляется в рамках необходимых условий и принципов. Кроме того, ему присущи свои предпосылки, специфические этапы, стратегия и технология. Предпосылками разрешения конфликта, как правило, выступают следующие:

- достаточная зрелость, выражающаяся в видимых формах его проявления;
- потребность и способность субъектов разрешить конфликт;
- наличие необходимых средств и ресурсов для его разрешения (материальные, политические, культурные, человеческие).

Процесс разрешения любого конфликта складывается, как минимум, из трех этапов. Первый — подготовительный (диагностика конфликта), второй — разработка стратегии разрешения и технологии, третий — практическая деятельность по разрешению.

Диагностика конфликта включает в себя описание его видимых проявлений, определение уровня развития, его причин и природы, измерение интенсивности и установление сферы распространности.

В зависимости от возможных моделей разрешения конфликта, интересов и целей принимающих в нем участие сторон применяются **пять основных стилей разрешения конфликта**: противоборство (конкуренция), уклонение, приспособление, сотрудничество и компромисс.

Противоборство (конкуренция) характеризуется активной борьбой индивида или группы за свои интересы, отсутствием сотрудничества при поиске решения, достижением своих интересов за счет интересов другой стороны. При реализации этого стиля применяются все доступные средства для достижения поставленных целей: власть, принуждение, давление на оппонентов. Условиями его применения являются восприятие ситуации как крайне значимой для одной из сторон конфликта, наличие большого объема власти или других возможностей настоять на своем, ограниченность времени решения проблемы и невозможность длительного поиска взаимоприемлемого решения.

Уклонение (избегание, уход) характеризуется индивидуальными действиями и выбирается тогда, когда оппонент не хочет отстаивать свои права, сотрудничать для выработки решения, воздерживается от высказывания своей позиции, уклоняется от спора. Такое поведение возможно, если исход конфликта не особенно важен, ситуация слишком сложна и разрешение конфликта потребует много сил у его участников.

Приспособление означает, что субъект действует совместно с другими, не стремясь отстаивать свои интересы. Следовательно, он уступает оппоненту и смиряется с его доминированием. При этом одна из сторон конфликта стремится сохранить мир с другими. Данный стиль наиболее удобен при компромиссной модели разрешения конфликта.

При *сотрудничестве* индивид или сторона конфликта активно участвует в поиске решения, удовлетворяющего всех участников взаимодействия, не забывая при этом и о своих интересах. Стиль сотрудничества предполагает открытый обмен мнениями, заинтересованность всех участников конфликта в

выработке общего решения. Это интегративная модель разрешения конфликта. Данная форма требует продолжительной работы и участия всех сторон.

При *компромиссе* действия участников направлены на поиск решения за счет взаимных уступок, на выработку промежуточного решения, устраивающего обе стороны, при котором особо никто не выигрывает, но и не теряет. Такой стиль поведения применим при условии, что оппоненты обладают одинаковой властью, имеют взаимоисключающие интересы, у них нет большого резерва времени на поиск лучшего решения, их устраивает промежуточное решение на определенный период времени.

Эффективное разрешение конфликта (при наименьших потерях ресурсов и сохранении жизненно важных общественных структур) возможно при наличии некоторых необходимых условий и реализации принципов управления конфликтом. К числу первых относятся наличие организационно-правового механизма разрешения конфликта, опыта его конструктивного решения, ресурсов для осуществления системы компенсаций, развитие коммуникативных связей. Что касается принципов, то здесь речь идет прежде всего о конкретном подходе к разрешению конкретных конфликтов. Различаются *силовая, компромиссная и интегративная модели разрешения*. Силовая модель ведет к исходам конфликта двух видов: «выигрыш — проигрыш» и «проигрыш — проигрыш». Две другие модели — к возможному разрешению конфликта по типу «выигрыш — выигрыш» [5, с. 86; 3, с. 147].

Всю совокупность *методов разрешения конфликтов* в зависимости от вышеперечисленных стилей целесообразно разделить на две группы. Первая, условно называемая группой негативных методов, включает в себя все виды борьбы, преследующие цели достижения победы одной стороны над другой. Термин «негативные методы» в данном контексте обоснован ожидаемым конечным результатом завершения конфликта — разрушением единства конфликтующих сторон как базового отношения. Вторая группа — позитивные методы — предполагает при их использовании сохранение основы взаимосвязи (единства) между субъектами конфликта. Это в первую очередь разнообразные виды переговоров и конструктивного соперничества. Различие негативных и позитивных методов всегда относительно, условно. В практической деятельности по управлению конфликтами эти методы нередко дополняют друг друга.

Основным позитивным методом разрешения конфликтов являются *переговоры*. Теория переговоров была разработана американскими конфликтологами Р. Фишером, У. Юри и Д. Деном (см., напр.: [6]).

Переговоры — это совместное обсуждение спорных вопросов конфликтующими сторонами с целью достижения согласия, с возможным привлечением посредника. Они выступают своеобразным продолжением конфликта и в то же время служат средством его преодоления. В том случае, когда делается акцент на переговоры как часть конфликта, их стремятся вести с позиции силы с целью достигнуть односторонней победы. Естественно, такой характер переговоров обычно приводит к временному, частичному разрешению конфликта, и переговоры служат лишь дополнением к борьбе с противником. Если же переговоры понимаются как метод урегулирования конфликта, то они приобретают форму открытых дебатов, рассчитанных на взаимные уступки и взаимное удовлетворение определенной части интересов сторон.

Справедливость выработанных решений зависит от используемых в ходе переговоров процедур урегулирования противоречивых интересов. В их числе — устранение разногласий при помощи жребия, делегирование права решать спорный вопрос посреднику. Последний способ решения спора широко распространен, а его вариации многочисленны.

Применение позитивных методов разрешения конфликта приводит к достижению противоборствующими субъектами компромисса или консенсуса. Это форма завершения конфликта по типу «выигрыш — выигрыш».

Для эффективного регулирования конфликтного процесса необходимо иметь четкое представление о сути проблемы, которая лежит в основе конфликта. Р. Фишер и У. Юри отмечают, что многие конфликты происходят потому, что люди занимают определенные позиции, а затем фокусируют все усилия на их защите, вместо того, чтобы определять скрытые нужды и интересы, вынудившие эти позиции занять. Таким образом, ложная ориентация становится препятствием для поиска решения, которое учитывало бы скрытые интересы участвующих в конфликте сторон [6, с. 89].

Регулирование конфликта еще не есть разрешение, поскольку сохраняются его основные структурные компоненты. Однако все действия по регулированию составляют либо предпосылки разрешения, либо моменты этого процесса. Разрешение конфликта — это заключительный его этап. Различают полное и неполное разрешение конфликта. Если имеет место преобразование или устранение основы конфликта, то он разрешается полностью. При неполном разрешении устраняются или преобразуются лишь некоторые структурные элементы конфликта, в частности содержание противоборства, его поле, мотивационная база конфликтного поведения участников [7, с. 25].

Проблема профилактики и регулирования конфликтов на сегодняшний день остается самой актуальной в современной конфликтологии и социологии конфликта. Особенно это касается межнациональных, религиозных конфликтов, в которых очень сложно выделить и проследить их начальную, скрытую стадию развития, а также конфликтов в организациях с вертикальным принципом управления.

Библиографический список

1. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Психология управления. Харьков : Фортуна-пресс, 1998. 464 с.
2. Зайцев А. К. Социальный конфликт. М. : Academia, 2000. 464 с.
3. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб. : Лань, 1999. 448 с.
4. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый : как разрешать конфликты. М. : Стрингер, 1992. 215 с.
5. Скотт Д. Г. Конфликты и пути их преодоления. Киев : Внешторгиздат, 1991. 190 с.
6. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М. : Наука, 1992. 158 с.
7. Шаленко В. Н. Конфликты в трудовых коллективах. М. : Изд-во МГУ, 1992. 80 с.

ББК 60.523

*А. Н. Беда, Е. В. Панкратова***КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЧАСТЬЕ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Рассматривается концепт «счастье» как универсальная категория социологии. Характеризуется степень изученности феномена счастья в отечественной и зарубежной литературе. Особое внимание уделяется анализу основных подходов к определению факторов, оказывающих влияние на ощущение счастья. Обоснованы значимость в постиндустриальной экономике феномена счастья как цели государственного управления и критерии оценки его эффективности с точки зрения политиков, экономистов, социологов, психологов.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, благосостояние.

The given article analyzes happiness as a universal category of sociology. It characterizes state of knowledge about the category of happiness by both foreign and domestic sociologists. Special focus is on the analysis of the main approaches to determining the major factors influencing the subjective experience of happiness. The importance of using happiness phenomenon in the post-industrial economy as the purpose of public administration and criteria reflecting its effectiveness are justified.

Key words: happiness, subjective well-being, welfare.

Исследования концепта «счастье» появились в середине прошлого века на стыке экономики и психологии. Изначально эта тема не имела достаточно-го развития в социологии. На протяжении многих лет ученые не рассматривали счастье в качестве темы конкретных эмпирических разработок в области социологии, потому что были уверены, что счастье — субъективная категория, производная человеческого разума, имеющая свои корни в психологии. Однако было выявлено, что на него оказывают влияние множество экономических, культурных и социальных факторов.

Р. Веенховен, голландский социолог и признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья, утверждает, что отсутствие категории счастья в социологии обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это прагматический аспект: социологи изучают поведение людей, а не их эмоции. Во-вторых, социология предпочитает измерять объективные категории, а не субъективные. В-третьих, социологи склонны рассматривать субъективное благополучие как «прихотливое состояние души». Но на самом деле, изучение феноменов удовлетворенности жизнью и счастья затрагивает вопросы, лежащие в самом сердце социологии, так как субъективное благополучие является одновременно и результатом работы социальных систем, и фактором их функционирования [19, p. 44].

Одним из первых исследователей счастья был Аристотель. В сочинении «Никомахова этика» он употребляет термин «эвдемонизм», что в переводе с греческого означает «блаженство, счастье». Аристотель утверждал, что наивысшее благо, когда-либо достигнутое человечеством, есть счастье.

В действительности классики социологии в своих работах касались темы субъективного благополучия, даже если они называли это явление по-другому [13, р. 450]. Продолжая традиции Аристотеля, О. Конт утверждал, что счастье (*bonheur*) выступает критерием последней стадии позитивизма, так как оно отражает состояние интеллектуального просвещения, сопровождающегося сакральными чувствами приобщения и согласия, проистекающими из общественного прогресса (см.: [19, р. 46]). Это послужило развитию социологического подхода к счастью, который отличается от психологической концептуализации.

В концепции Г. Спенсера удовольствие или стремление к нему рассматривается как фактор социальной эволюции, а отсутствие ощущения счастья в обществе говорит о неэффективности политики государства (см.: [4]).

Г. Зиммель рассматривал счастье как переживание, присущее отдельной личности, которое, вплетаясь в ткань социального взаимодействия, переходит в разряд надындивидуальных, социальных явлений, требующих социологического анализа (см.: [3, с. 45]).

В западной социологической литературе сложилось три основных подхода к определению ключевых факторов, влияющих на уровень счастья. Первый — потребностный — подход сводится к предположению, что существуют некие основные потребности человека, удовлетворение которых необходимо для достижения счастья. Согласно этому подходу, разница в уровнях счастья двух индивидов отражает различия в объективных условиях, определяющих степень удовлетворенности потребностей каждого из них [15, р. 7]. Таким образом, важной задачей данного подхода является определение базовых потребностей, которые влияют на повышение уровня счастья, и условий, при которых эти потребности будут удовлетворены [*ibid.*].

Учитывая, что связь между объективными условиями и степенью удовлетворенности потребностей неоднозначна, крайне сложно составить исчерпывающий список универсальных потребностей, необходимых для повышения уровня счастья. В этом отношении надо говорить об отличиях объективного и субъективного благополучия. С позиции объективного благополучия внешние условия не определяют уровень счастья. С позиции субъективного благополучия, напротив, подчеркивается индивидуальность оценки личностью своих потребностей (кроме базовых материальных стандартов). Несмотря на то что эти позиции концептуально отличаются друг от друга, обе имеют своей целью определение важнейших областей, наиболее сильно влияющих на уровень счастья. Последние включают в себя здравоохранение, рынок труда, образование, доходы, безопасность, жилье, семью, социальные отношения и окружающую среду [*ibid.*].

Хотя предполагается, что удовлетворение потребностей является причиной повышения уровня счастья, единственный способ определить, выполнена потребность или нет, это изучить динамику изменения уровня счастья. Другими словами, у исследователей нет выбора, кроме как постфактум заключить об удовлетворенности потребностей, только убедившись в том, что уровень счастья вырос.

Второй подход — подход относительных стандартов — основан на предположении о том, что счастье определяется в процессе сравнения фактических условий и эталонных стандартов. Если фактические условия существования индивида хуже эталонных в его понимании, то он не чувствует себя счастливым. Таким образом, заниженные стандарты могут приводить

к повышению уровня счастья. Следовательно, внешние условия лишь косвенно влияют на уровень счастья. В зависимости от ситуации эталоны людей могут изменяться, основываясь на их стремлениях, ожиданиях и прошлом опыте [15, р. 9].

Подход относительных стандартов является традиционным в социологии. Более ста лет назад Т. Веблен уже показал относительность механизма удовлетворения потребностей людей. Он отмечал, что общий подъем благосостояния общества не способен удовлетворить личное желание индивида обогатиться, так как основа этого желания — стремление превзойти всех остальных в накоплении благ [16]. Это положение идет вразрез с классическим социологическим понятием эффекта референтной группы.

К данному подходу также относится знаменитый парадокс Истерлина. В 1974 г. Р. Истерлин установил, что более высокий уровень жизни в определенное время в конкретной стране неизбежно вызывает большую удовлетворенность жизнью по сравнению с более бедными странами. В то же время постепенный или бурный рост благосостояния нации в целом в более длительный период времени ни в развитых, ни в развивающихся странах не сопровождается аналогичным ростом уровня счастья граждан. Другими словами, в соответствии с парадоксом Истерлина богатые люди счастливее, чем бедные, но рост доходов не приводит к увеличению уровня счастья.

Э. Динеру, одному из ведущих исследователей в области субъективного благополучия, вместе с коллегами удалось разрешить парадокс Истерлина: рост доходов будет влиять на уровень счастья, однако только при условии, что стремления и желания человека не будут расти еще быстрее. Если люди зарабатывают много денег, они могут быть счастливыми. Но если они постоянно разочарованы, потому что должны зарабатывать еще больше денег, то рост доходов не сделает их счастливыми [12, р. 268].

В 1990-х гг. М. Айзенк ввел термин «гедонистическая беговая дорожка». Он означает, что человек может сколько угодно долго и как угодно быстро бежать в направлении счастья, но будет оставаться на одном месте. Существует некоторый средний субъективный базовый уровень счастья для каждого человека, «гедонистическая установка», к которой он возвращается, что бы в его жизни ни произошло.

Третий — культурный — подход основан на мысли, что уровень счастья человека определяется коллективными нормами и традициями. Различия в понимании счастья разными народами говорят о том, что каждому национальному государству присущи уникальные культурные характеристики, которые часто называют национальным кредо или национальным характером. Эти межнациональные отличия являются следствием различий когнитивных культурных норм, а не индивидуального понимания личностью счастья и горя. Хотя национальное государство по-прежнему существенный критерий разграничения культур, их нельзя разделять исключительно по географическому признаку [14, р. 41].

Впрочем, не следует преувеличивать влияние культуры, забывая о роли базовых человеческих потребностей и относительных стандартах при анализе уровня счастья. Таким образом, адекватный анализ возможен только с учетом всех вышеперечисленных факторов. Поскольку все три подхода являются взаимодополняющими, крайне важно рассматривать их совместно.

Р. Вееenhooven внес неоспоримый вклад в возрождение интереса к счастью как цели государственной политики (см.: [10, с. 143]). По его мнению,

уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния, выступает одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [18, р. 14]. Он считается «крестным отцом исследования счастья» и ведущим мировым специалистом по определению уровней счастья в разных странах [20, р. 7]. Как руководитель Всемирной базы данных счастья и основатель «Журнала исследования счастья», Р. Вееenhooven дает наиболее распространенное и базовое его определение: «критерий, с помощью которого индивид оценивает общее состояние своей жизни как положительное» [17, р. 3].

М. Селигман вывел свою формулу счастья: индивидуальный диапазон + внешние обстоятельства + волевой контроль. Индивидуальный диапазон — это генетически обусловленный уровень счастья, который остается относительно стабильным на протяжении жизни и к которому мы возвращаемся вскоре после большинства значительных событий в нашей жизни. Индивидуальный диапазон определяет счастье приблизительно на 50 %, а внешние жизненные обстоятельства (семья, дети, религия, повседневная деятельность) — на 10 %. Волевой контроль — сознательные, намеренные и требующие усилий действия, которые человек может выбрать для себя (определяют счастье на 40 %) [6, с. 74—112].

В отечественной социологии феномен счастья практически не изучался: немногочисленные исследования проводились в области психологии или экономики. Единого мнения относительно содержания феномена счастья и механизмов его формирования у ученых не сложилось. Традиционно категорию счастья относили к сфере вопросов психологии, так как полагали, что счастье — нечто абстрактное, не поддающееся измерению. Со временем это убеждение стало подвергаться сомнению.

Дискуссия о счастье в отечественной социологии развернулась вокруг вышедших в 1892 г. двух томов «Оснований этики» Г. Спенсера, английского позитивиста, пытавшегося с научной позиции обосновать категорию «счастье». Он пришел к выводу, что конечная цель любой этической системы — это счастье людей [8, с. 343]. С. Соколова не приняла подобные положения Спенсера и выступила с их жесткой критикой. Она утверждала, что «счастье» есть понятие чисто индивидуальное и как таковое ничего определенного в себе не включает. Не может быть определенного образа действий для достижения счастья, поскольку оно само по себе неопределенно [7, с. 15]. Как показала практика, идеи дореволюционного российского научного сообщества в дальнейшем не нашли широкого признания.

Лишь в 2001 г. в постсоветской России была выпущена следующая книга о счастье — под авторством И. А. Джидарьян. Она утверждает, что в обыденном сознании людей со счастьем ассоциируется постоянная, полная и обоснованная удовлетворенность своей жизнью, ее условиями, раскрытием человеческих возможностей [1]. Представления людей о счастье базируются на личностных ценностях, формирующихся в процессе интериоризации ценностей социума. Соответственно своей системе ценностей и пониманию счастья люди выстраивают всю жизненную стратегию. Достижение именно личностно значимых целей наиболее заметно сказывается на возникновении ощущения счастья [11, с. 201].

Е. П. Ильин отмечает, что четких и единых для всех людей критериев счастья нет. Понятие «счастье» является сложным, имеющим как когнитивный, так и эмоциональный компонент, который отражает и оценку своего

существования, и отношение к себе как к счастливому или несчастному человеку [2, с. 332].

С. В. Степашиним справедливо утверждается, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел», поэтому «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом». Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [9, с. 136—137]. В настоящее время основное отличие так называемой вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что ее главной задачей становится уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении [5].

Анализ зарубежной и отечественной литературы продемонстрировал процесс институционализации понятий счастья и удовлетворенности жизнью в социологии, а также высокую значимость осуществления соответствующих исследований. Рассмотрение эволюции социальных представлений о счастье свидетельствует об изменении тенденций их развития от античной размытости к социологизации. Несмотря на то что библиотека зарубежной литературы по тематике счастья намного обширнее отечественной, российская социология начинает «набирать обороты» в этой сфере изысканий.

Библиографический список

1. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб. : Алетей, 2001. 242 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 752 с.
3. Качур Н. В. Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44—48.
4. Кон И. С. Социологическая концепция Герберта Спенсера // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / под ред. И. С. Кона. М. : Наука, 1979. С. 40—52.
5. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011. 256 с.
6. Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2011. 320 с.
7. Соколова С. Критика этики Г. Спенсера. СПб. : Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1905. 116 с.
8. Спенсер Г. Научные основания нравственности. СПб. : И. Иванов и И. Перевозников, 1896. 560 с.
9. Степашин С. В. Государственный аудит и экономика будущего. М. : Наука, 2008. 608 с.
10. Шматова Ю. Е., Морев М. В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141—159.
11. Эммонс Р. Психология высших устремлений : мотивация и духовность личности. М. : Смысл, 2004. 416 с.

12. Diener E., Tay L., Oishi S. Rising income and the subjective well-being of nations // Journal of Personality and Social Psychology. 2013. Vol. 104, iss. 2. P. 267—276.
13. Glatzer W. Happiness: classic theory in the light of current research // Journal of Happiness Studies. 2000. Vol. 1, iss. 4. P. 501—511.
14. Inglehart R. Modernization and Postmodernization : Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1997. 455 p.
15. Kim S. Sociological Studies on Happiness in Cross-National Contexts : Effects of Economic Inequality and Marriage : PhD (Doctor of Philosophy) Thesis. University of Iowa, 2011. 163 p.
16. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. Cosimo Classics, 1899. 400 p.
17. Veenhoven R. Is happiness relative? // Social Indicators Research. 1991. Vol. 24, № 1. P. 1—34.
18. Veenhoven R. Questions on happiness: classical topics, modern answers, blind spots // Subjective Well-Being : an Interdisciplinary Perspective. Oxford (England) : Pergamon Press, 1991. P. 7—26.
19. Veenhoven R. Sociological theories of subjective well-being // The Science of Subjective Well-Being : a Tribute to Ed Diener / ed. by M. Eid, R. Larsen. New York : Guilford Publications, 2008. P. 44—61.
20. Zuckerman P. Society without God : What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment. NYU Press, 2008. 227 p.

ББК 60.543.172

И. Н. Смирнова

3D-СОЗНАНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Анализируются данные двух волн социологических исследований сознания студенческой молодежи. Определяются траектории восприятия студентами Ивановской области прошлого, настоящего и будущего; сопоставляются три основные темпоральные ориентации сознания: историзм, реализм, футуризм. Делается вывод о комфортности, глобальности и субъективированности времени.

Ключевые слова: глобальное сознание, локальное сознание, прошлое, настоящее, будущее, студенческая молодежь, футуризм, историзм, реализм.

The article analyzes the data of two waves of sociological studies, discovering time characteristics of the student youth consciousness. The basic trends of Ivanovo students' perception of the past, present and future are determined. Three main temporal orientations of consciousness — historism, realism, futurism — are compared. The conclusion about the comfort, globality and subjectivity of time is made.

Key words: global consciousness, local consciousness, past, present, future, student youth, futurism, historism, realism.

К размышлению над проблемой измерений сознания нас подтолкнула статья П. П. Солощенко, который определяет время как форму сознания [5]. Думается, что здесь имеет место философическая метафора, тем не менее

© Смирнова И. Н., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

очерчивающая до известной степени новое предметное поле для исследований, в том числе и социологических.

П. П. Солощенко справедливо полагает, что на отношение нашего сознания к времени, с одной стороны, «влияет нарастающее в процессе взросления человека ощущение быстротечности, мимолетности нашей жизни, печальным итогом которой является смерть» [5, с. 24]. С другой стороны, «этим непосредственным эмоциональным ощущениям и переживаниям времени человек противопоставляет рациональное отношение к времени как к постоянной физической величине, к равномерно проявляющейся длительности объективных процессов» [5, с. 25]. Данную мысль автора можно выразить и несколько иначе в рамках социологического дискурса. Здесь, как нам представляется, сталкиваются противопоставленные ориентации сознания — аффективная и когнитивная, которые, как верно отмечает П. П. Солощенко, трудно разводимы в рамках научного анализа.

Согласимся с автором в его проективном намерении сделать следующий шаг — «утвердить в качестве мировоззренческого и методологического начала... богатство душевно-духовной жизни человека в его сознательном и ответственном отношении к времени» [5, с. 30]. Важная роль в этой методологической, в первую очередь, революции принадлежит социологии как науке, позволяющей данное отношение зафиксировать.

Э. Гидденс — выдающийся британский социолог, внесший наиболее существенный вклад в анализ динамики пространственно-временных отношений, считает, что именно расширение социальных практик во времени и пространстве, преодоление территориальной ограниченности, является фундаментальной характеристикой современного мира [6, р. 18]. Трансформация в измерении времени, или, как называет это Э. Гидденс, «опустошение времени», т. е. абстрактность его измерения, привела и к «опустошению пространства». Для современного общества характерны пространственно-временная дистанцированность, ограниченность, растянутость отношений, и их преодоление — важная его задача.

Методика и методология исследования

Оценка пространственно-временных характеристик сознания студенческой молодежи осуществлялась в рамках более масштабного исследования различных качеств сознания [2, 3, 4]. *Первая волна* исследования была реализована в ноябре — декабре 2015 г. ($n_1 = 210$ чел., ошибка выборки — 5 %). Эту волну мы условно обозначили как *тревожную*: война с участием российских войск в Сирии, катастрофа российского авиалайнера в небе над Египтом, теракты в Париже, усложнение отношений с Украиной и другие события — все это оказало значительное влияние на представления студенческой молодежи о настоящем и будущем, сформировало кризисный фон сознания. *Вторая волна* исследования была осуществлена в мае — июне 2016 г. по идентичному инструментарию и с сохранением структуры выборки ($n_2 = 225$ чел., ошибка выборки — 5 %). Фон второй волны, получившей условное наименование *спокойной*, более ровный, существенных катастрофических событий отмечено не было. В исследовании приняли участие студенты различных направлений подготовки, курсов, форм и уровней обучения.

Место проведения исследования — Ивановский регион — во многом уникально: двойная депрессивность сознания молодежи (кризисные тенденции в стране, депрессивные процессы в регионе), которая составляет от 20 до 30 % населения области, позволяет проследить формирование и динамику основных проявлений временных характеристик в сознании в спокойное и тревожное время.

«Оправдание» времени

Исследование показало, что время, в котором живут респонденты, является вполне комфортным для них: оно устраивает 55 % опрошенных в период тревожной волны и 69 % респондентов спокойной волны (рис. 1). Однако при сравнении данных двух волн исследования можно наблюдать смещение ответов студентов в сторону «оправдания» времени при спокойном социально-политическом и экономическом событийном фоне.

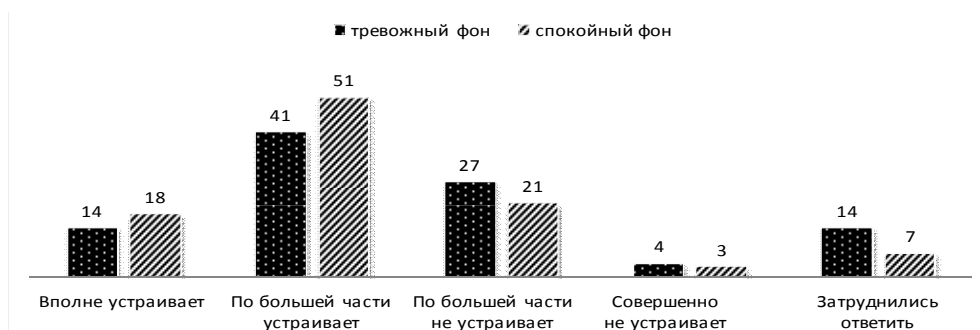

Рис. 1. «Одобрение» времени, в котором живет студенческая молодежь, % ($n_1 = 210, n_2 = 225$)

Оценивая время и свое место в нем, более половины студентов и в спокойный, и в тревожный периоды отметили, что это их время; меньшая часть указала на то, что их время еще не пришло, оно впереди. В основе такого восприятия лежат страхи и надежды молодежи: в тревожный период социальные страхи обостряются и, как следствие, увеличивается доля тех, кто считают, что их время еще не пришло (рис. 2).

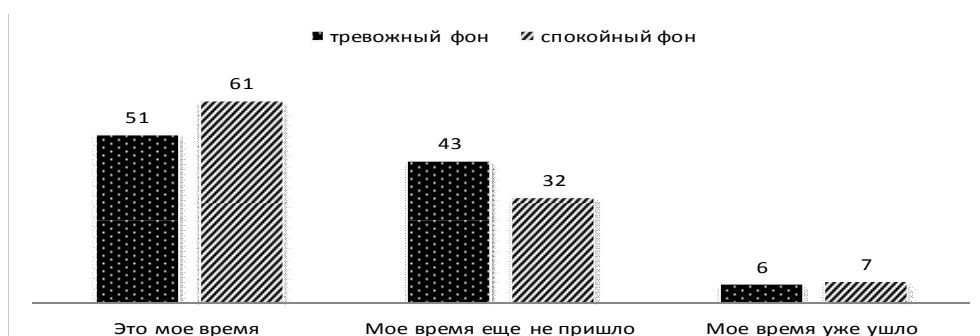

Рис. 2. Оценка студентами времени и своего места в нем, % ($n_1 = 210, n_2 = 225$)

В философском плане интересен вывод о том, что время не носит в оценках респондентов «самостоятельного» характера. Оно зависит от носителя. Собственно, время оправдывается самим существованием в нем субъекта.

Историзм/реализм/футуризм

Чтобы понять, чем именно наполнено время, необходим более детальный анализ ответов на вопросы о том, что такое для студентов прошлое, настоящее и будущее (рис. 3).

Прошлое — это...	Настоящее — это...	Будущее — это...
Жизненный опыт, уроки — 19,5 %	То, что происходит здесь и сейчас, — 33 %	Что-то далекое, неизвестное, но при этом пугающее и плохое — 19,5 %
Прошедшая история, память — 18 %	Учеба в университете — 13 %	То, что будет дальше, судьба — 18 %
Беззаботное и счастливое детство — 16,5 %	Возможности, открытия, счастье, любовь — 9,5 %	Счастливая крепкая семья — 16,5 %
То, что нельзя вернуть, — 9 %	Стресс, кризис, опасное время, борьба — 8 %	Что-то далекое, неизвестное, но при этом светлое и хорошее — 13 %
Конкретные исторические факты — 8,5 %	Неизвестность, неопределенность, нестабильность — 7 %	Безграничные возможности, цели, планы — 10 %
Воспоминания — 6,5 %	Реальность, действительность — 5 %	Успешная интересная работа — 6,5 %
Отсутствие проблем — 4,5 %	Вклад в будущее, развитие — 3,5 %	Безопасность, мир, стабильность — 6 %
Конкретный город, школа — 4,5 %	Конкретное место, город — 3 %	Не думают о будущем, не планируют его — 5 %
Наличие проблем — 3,5 %	Другое — 6 %	Конкретное место, город — 2,5 %
Другое — 3 %		Другое — 4 %

Рис. 3. Представления студенческой молодежи о прошлом, настоящем и будущем, % (вопрос открытый, множественный)

Анализируя ответы студентов на вопрос о том, что такое *прошлое*, мы констатировали его наполненность по преимуществу положительными коннотациями: студенты отмечают беззаботное и счастливое детство, личные истории и положительные воспоминания, отсутствие проблем и жизненный

опыт. Показательно, что выйти за пределы личных историй смогли только 7 % опрошенных; в основном это студенты исторического факультета, которые свое прошлое воспринимают в глобальном контексте — через историю страны и мира. Они назвали конкретные исторические факты, события и исторических лидеров. «Локализованными» оказались лишь 4,5 % респондентов: они связали свое прошлое с конкретным местом (городом, школой).

Что касается *настоящего*, то его определение было наиболее затруднительным для студентов. Треть опрошенных ограничились общим ответом: настоящее — это то, что происходит сейчас. «Локальное» восприятие настоящего характерно для 16 % опрошенных: они называют конкретные места, события, учебу в университете. «Глобальное» восприятие настоящего, а именно его понимание как времени возможностей, открытий, вклада в будущее, развития, свойственно 13 % респондентов. Также велик процент тех, кто отмечает катастрофичность настоящего: 15 % студентов указывают на его кризисный характер, наличие стрессов, борьбы, нестабильность и неопределенность. В основном это студенты гуманитарных направлений подготовки и учащиеся старших курсов, магистратуры и аспирантуры.

Будущее оценивается студентами наиболее разнопланово. Доминирующий ответ отражает тревожность сознания современного студенчества: будущее для 19,5 % опрошенных — это что-то далекое, плохое, неизвестно-пугающее. Будущее как судьбу воспринимают 18 % студентов. Более «локально» оно видится 30 % опрошенных: это крепкая и счастливая семья, интересная работа, свое место в жизни, конкретный город / место проживания. «Глобальные» характеристики будущего дали 16 % студентов: они отметили безопасную жизнь, мир, высокое качество жизни и безграничные возможности. Показательно, что не планируют будущее и не могут его никак интерпретировать, определить 5 % студентов.

Таким образом, при оценке прошлого, настоящего и будущего выстраивается система координат от глобального к локальному: прошлое более «глобально», будущее — более «локально». При этом возрастает значение пространства, что отражается в таких характеристиках будущего, как жизнь в городе, где высокое качество жизни, благоприятная экологическая ситуация и т. д.

Ощущение прошлого у студентов «сужается», а ощущение будущего, наоборот, «расширяется»: рамки прошлого (если мы говорим о конкретном событии) ограничиваются, за редким исключением, собственной жизнью (или даже периодом детства), а рамки будущего ничем не ограничены, это нечто далекое, то, что будет когда-то. В условиях глобально-локальной картины мира система координат «далеко» — «близко» кардинально меняется. Создается ощущение, что настоящее накладывается на прошлое, но настоящее не есть мостик к будущему.

Вполне отчетливо вырисовываются три ориентации сознания — историзм/реализм/футуризм, как мы видим, не сводимые друг к другу. Формируется достаточно сложная система. С одной стороны, в сознании большинства респондентов преобладает футуристическая доминанта, что свидетельствует об ориентации на будущее. Вместе с тем это «глобальное» будущее предстает как наполненное пугающей и плохой неизвестностью. Прошлое, напротив, в ориентациях сознания отходит на третий план, но окрашивается исключительно позитивно. Настоящее, «работая вторым темпом», задает глубинную локализацию сознания.

Планирование туманного будущего

Приведенные выше размышления подкрепляются особенностями планирования будущего. Каждый пятый респондент проектирует будущее на год, и столько же опрошенных — на пять лет. Однако отметим следующую особенность: долгосрочное планирование на 10 и более лет свойственно 10 % опрошенных, не планируют будущее вообще 21 % студентов. При этом в тревожный период доля последних увеличивается почти до 30 % (рис. 4).

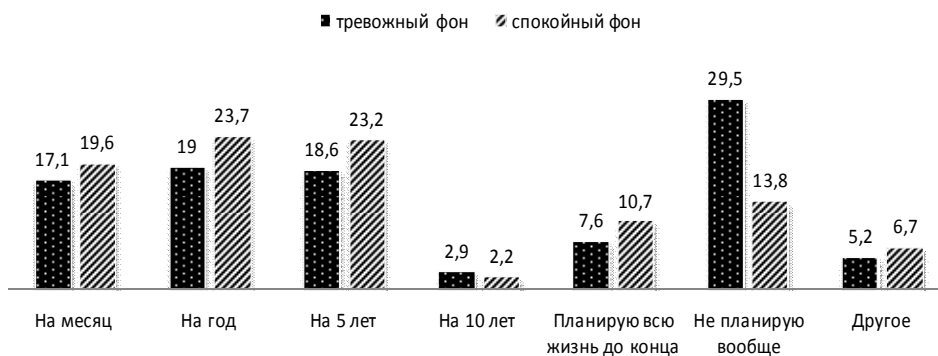

Рис. 4. Планирование будущего студенческой молодежью в тревожное и спокойное время, % ($n_1 = 210$, $n_2 = 225$)

Долгосрочное планирование оказывается зависимым не от футуристической ориентации сознания, напротив, оно задается, как нам кажется, историзмом. В тревожное время доминанта сознания естественным образом смещается в сторону «беззаботного и счастливого» прошлого, которое, в свою очередь, переключается с настоящим. Вообще, может оказаться, что, как отмечает философ Т. Х. Керимов, «сознание времени является... выключенным из разделения времени, вневременным» [1, с. 169].

Время — назад!

Исследование выявило особое времяощущение и времявосприятие студенческой молодежи. Во-первых, *время комфортно* — как прошлое и настоящее, так и проецируемое будущее. Это происходит даже на фоне того, что прошлое, настоящее и будущее равномерно катастрофичны. Возможно, глокальный катастрофизм получает в молодежном сознании статус естественных условий жизни. Во-вторых, *время в целом «глобально»*. Конечно, этот тезис требует дальнейших исследований. Вместе с тем уже сейчас можно сказать, что прошлое и будущее как полюса виртуальной шкалы воспринимаются глобально, настоящее же как своеобразный «маятник Фуко» предстает сугубо локально. В-третьих, *время субъективировано*. Оно воспринимается как бы через субъекта, который актуализирует временной континуум при помощи прошлого настоящего или настоящего будущего.

Проделанная работа ставит перед исследователями много новых вопросов, однако позволяет осуществить определенную социологическую рефлекссию.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Библиографический список

1. Керимов Т. Х. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 158—171.
2. Смирнов Г. С. Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 20—32.
3. Смирнов Д. Г. Глобальное сознание человечества в дискурсе ноосферных исследований // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 84—93.
4. Смирнова И. Н. Язык глобального и локального сознания: опыт социологической рефлексии // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2. С. 151—172. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Smirnova-I_2016_1-2.pdf (дата обращения: 02.04.2017).
5. Солощенко П. П. Время как форма сознания: опыт философского дискурса // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 24—30.
6. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge : Polity in Association with Blackwell, 1990. 156 p.

ББК 81.055.515

С. Л. Страшнов

ХРОНОТОП КАК КАТЕГОРИЯ ПОЭТИКИ И ТИПОЛОГИИ СМИ

На переднем плане — «время» и «пространство» как основополагающие категории журналистики и науки, ей посвященной. Специфика медийных хронотопов постигается на уровнях видов, жанров, типов СМИ и в сопоставлении с явлениями искусства.

Ключевые слова: хронотоп, средства массовой информации, динамика и статика, линейность и нелинейность, режим реального времени, информационное пространство.

«Time» and «space», the fundamental categories of journalism and the associated science, are at the foreground of this article. The specificity of media chronotopes is comprehended on the levels of media types, media genres, media variety and in comparison with cultural facts.

Key words: chronotope, mass-media, dynamics and statics, linearity and non-linearity, real-time mode, info sphere.

В качестве возможного и — предположительно — эффективного инструмента познания журналистики медиалогия, наверняка, должна иметь и собственную поэтику (хотя название для подобного раздела науки лучше бы найти более подходящее — специфическое). Одними из первых о необходимости ее разработки заговорили у нас С. Г. Корконосенко [7, с. 56] и В. В. Прозоров [13, с. 8, 42—43], а некое первоначальное обобщение можно найти в статье В. Б. Смирнова [14]. Сосредоточенная на внутреннем устройстве медиатекстов, подобная поэтика будет тогда включать в себя аспектное исследование не только сфер традиционно разрабатываемых (жанры и стилистика, виды и дизайн СМИ, морфология произведений), но и мало освоенных пока, хотя способных — в том числе — углубить представления об остальных. Таковы лейтмотивы, ролевые проявления автора, соотношения ньюсмейкеров и персонажей, хронотопы. В данной работе мы остановимся на специфическом существовании в журналистике лишь последней из перечисленных категорий.

Хронотоп (греч. *chronos* — время и *topos* — место) — понятие, производное от философских категорий времени и пространства как важнейших форм бытия. Его ввел А. А. Ухтомский, для которого это «закономерная связь пространственно-временных координат» [16, с. 347]. Присутствовавший летом 1925 года на одном из докладов ученого-физиолога М. М. Бахтин перенес понятие в филологию, назвав хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 234].

Журналистика — область филологии родственная, и уже поэтому не вопрос, применима ли принятая в разных науках терминология к массмедиа, — проблема в том, какие функции и какое выражение получает «время-пространство» [там же] именно здесь. Ключевое в бахтинском определении словосочетание — «художественно освоенных», поскольку о-свое-ние, преобразование в искусстве неизбежны. Очертания хронотопа в журналистике (за исключением сатиры) по преимуществу принципиально иные, хотя и не менее значимые.

Пространство и время (где и когда?), наряду с объектом и субъектом, выяснением причин и средств (что и кто, почему и как?), относятся к самой сути этой деятельности, составляют наиболее жесткую, нормативную, часть поэтики СМИ. Потребность четко ориентироваться в окружающем, сугубо реальном для большинства людей, наверняка, более настоятельная, чем познание образно-остраненное, обобщенное и многозначное. И если художественные хронотопы, начиная с устного народного творчества, наделены обязательной долей условности, то медийные в основе своей фактологичны, иногда — почти буквально.

Разумеется, и в журналистике пространство и время воспроизводятся отраженно: они тоже, как, например, в кинематографе, растягиваются и сжимаются, замедляются и ускоряются. Однако приближение к действительно существующему для СМИ — идеал, который даже романисту-бытовому натуралистического толка не покажется бесспорным, а ведь во множестве творений театра, словесности, живописи создаются миры не просто новые, но виртуальные, а то и совершенно иллюзорные. Полнос является волшебная сказка, в зачине которой — полная неясность относительно времени и в особенности места («В некотором царстве, в некотором государстве...»), что позволяло без боязни быть уличенными в неправдоподобии использовать любые объемы вымысла. Информационный хронотоп — на другом полюсе, его отличает как раз определенность, предельная подчас конкретность предлагаемых обстоятельств события и действия.

Журналист стремится максимально приблизиться к происходящему, он просто не имеет права и возможности выдерживать дистанцию, которую филологи называют эпической — характерной для той же сказки, а также эпопеи, былины, легенды. «Преданья старины глубокой» обладают законченностью, замкнутостью, тогда как массмедиа открыты и хронологически, и пространственно. Но на удивление они и ограничены, поскольку предполагают взгляд в упор, а не на расстоянии, которое распахивает перед писателем, например, «даль свободного романа».

В пределах СМИ существуют свои пространственно-временные барьеры и ограничения. Прежде всего следует отметить, что здесь господствует злободневность и даже события давно произошедшие, о которых здесь вспоминают достаточно часто (в виде так называемых бэкграундов), обязательно актуализируются. А самодостаточное воскрешение истекшего, прежнего или путешествия «в поисках утраченного времени» — это все-таки прерогатива искусства. И столь же актуальным в газетах и журналах, в основном, оказывается прогнозирование, которое представляет собой анализ развертывания в грядущем каких-либо современных явлений и процессов (подробней об отражении в СМИ будущего и прошлого см. в нашей работе: [15, с. 12—17, 66—69]).

Вопреки расхожим представлениям, журналистика прикована скорее не к настоящему (это цель, достигаемая редко), а к современному. Время

быстротечно, и само понятие «настоящее» — весьма относительное, его превращение в понятие «прошлое» происходит стремительно, т. е. аура ретроспективности возникает почти всегда и почти сразу. Как замечал А. А. Потебня, «настоящее — постоянно нарождающееся и тут же исчезающее мгновение — неуловимо» [11, с. 448]. Новизна ощутима только на фоне, поэтому, фиксируя изменения, СМИ интерпретируют время как длительный, протяженный процесс, включающий, помимо сегодняшнего, также вчерашнее и завтрашнее. Но последовательность полную установить (остановить!) невозможно, отчего даже в совокупности своей медийные хроники дробны, а профессиональной задачей становится минимизация зазоров между представляемыми фактами, уплотнение времени. Неудивителен возникающий нередко напряженный, нервный ритм повествований о повседневности, который противостоит эпическому спокойствию. Недаром, по наблюдениям Д. С. Лихачёва, былинное время сродни идиллическому [8, с. 255—256].

«Ни для одного высокого жанра современная действительность как таковая не является допустимым объектом изображения», — писал М. М. Бахтин [2, с. 461]. Искусство тяготеет к постижению вечного, вневременного, однако по-своему масштабны и СМИ, которые совокупно воссоздают историю. Правда, на ее циферблате они выполняют функции самой заметно передвигающейся, секундной, стрелки. Журналистика находится в нескончаемой погоне за временем, и общая эволюция различных СМИ подчинена осуществлению этого устремления. Именно ради достижения оперативности неуклонно сокращался медийный производственный цикл (от ежемесячных журналов происходил массовый переход к еженедельным и ежедневным газетам; затем некоторые из них выпускались уже как утром, так и вечером; телеграфные агентства передавали информацию по нескольку раз в день, а радио — в час и т. д.). Впрочем, абсолютная синхронизация сообщений с происходящим оказалась достижимой только в прямом эфире.

В искусстве вполне уместна ретардация — нарочитое замедление, торможение действия. И если идиллия, скажем, по преимуществу сосредоточенна, статична, то журналистика текуча, динамична. Ее постоянство в срочной обновляемости, которая и отмеряется многочисленными публикациями и выступлениями. Но — соответственно — и жизненный срок их, резонанс в сознании аудитории краток, в отличие от рассчитанных на долговременное воздействие художественных шедевров, потому что контакты устанавливаются мгновенно, а не путем постепенного вживания и ассоциативного сотворчества.

Во многом противоположны и пространственные векторы. В искусстве вектор скорее вертикальный, а в СМИ — горизонтальный: в одном случае преобладает интенсивное проникновение, в другом — экстенсивный охват. М. М. Пришвин прозорливо однажды пошутил: «Обыкновенный очеркист похож на того мужика из толстовского рассказа, которому выпало счастье получить столько земли, сколько он может обежать в день от восхода солнца и до заката. Очеркист, как жадный мужик, обыкновенно столько захватывает материала, что круг его не смыкается. Но еще чаще очеркист, захватив своим обегом свою землю, бросает ее и бежит другую» [12, с. 14].

В подобном ракурсе наглядно открывается ценностное наполнение хронотопов. Для СМИ оно, конечно, не столь очевидное, как для некоторых художественных направлений, где явления выстраивались иерархиче-

ски, подразделяясь на «высокие» и «низкие». Но и журналисты отражают действительность, не избегая скрытых (а в публицистике, наоборот, подчеркнутых) оценок. Даже нейтрально поданный факт может выглядеть как значительный или мелкий, заурядный или катастрофический.

До сих пор нас интересовало лишь самое общее, сущностное, выражение медийного хронотопа — отличающее журналистику от соприродного с нею художественного творчества. Однако и то и другое имеют свои виды. Причем искусства еще со времен Лессинга и Гегеля подразделяются не только на изобразительные и выразительные, но также на пространственные и временные. Первоэлементом специфики, основанием дифференциации для этого являлся исходный материал, который использовали художники, воплощая свои замыслы: таковы телодвижения, слова, звуки, дерево или металл и т. п. По логике Гегеля, музыка, например, это звуки, которые возникают посредством приведения в колебательное движение находящегося в пространстве тела. «Эти колебания относятся к искусству лишь *постольку*, поскольку они следуют друг за другом. Таким образом, чувственный материал вообще вступает в музыку не в его пространственной форме, а только во *временной длительности* его протекания» [5, с. 299]. Тем самым открываются уже новые тяготения к динамике или статике, хотя пространственные планы не исключаются в искусствах выразительных и, наоборот, измерения временные — в искусствах изобразительных. В частности, объединяющим и в литературе, и в живописи является образ дороги — одновременно и наглядный, и обозначающий движение.

При внешнем сходстве радиожурналистики с музыкой, журнально-газетной прессы с художественной словесностью, а телевизионных программ с театром проекции прямые все-таки небезупречны. За редким исключением — в виде фотографий, рисунков и разнообразной инфографики — средства массовой информации почти не обходятся без слов. Да и изожурналистика редко бывает замкнутой в себе: даже отдельное фото, снабженное подписью, или фотосессия, располагающаяся под рубрикой, представляет собой некий симбиоз. Поэтому чаще всего в ход идут несколько иные критерии (скажем, линейность — нелинейность), которые позволяют устанавливать последовательность в способах восприятия видов СМИ реципиентом: вынужденное и относительно свободное. Иначе говоря, временной принцип в их бытовании и характеристике явно доминирует. Однако и принцип пространственный все-таки игнорировать тоже нельзя: достаточно напомнить о роли монтажной организации текстов, которая значима в любой журналистике. А в самом абстрактном виде предпочтения, видимо, такие, какими увидел их В. В. Прозоров: «Если искусство радио и телевидения — это искусство, развивающееся в *реальном времени* и пробующее охватить разные пространства (географические, социальные, душевные и т. д.), то газета, напротив, облюбовывая и осваивая — прежде всего с помощью новостного и аналитического материала — свою многополосную территорию, стремится овладеть *постоянно ускользающим временем*» [13, с. 155].

В особенности же близкой для видовой структуры массмедиа может стать аналогия с хронотопами, присущими литературным родам. Весьма перспективными в этой связи остаются высказывания опять-таки Г. В. Ф. Гегеля и А. А. Потебни о том, что основным резервуаром настоящего времени является лирика. «*Лирика — praesens*» [11, с. 448] (см. также: [5, с. 517]) — адекватнее всего такая формула отзывается в радиожурналистике, легче других

добивающейся эффекта синхронности высказывания с событиями. Телевидение, весьма напоминающее драму, добивается иллюзии настоящего в форме времени исполнительского. А печатная периодика подобна эпосу, но все же поневоле погружена в прошлое, однако всеми силами тоже пытается зацепиться за то самое «*praesens*»: ее объект — прошлое самое близкое. Зато чаще других она же предлагает версии, предсказания будущего.

Но самую специфическую трактовку видовой хронотоп получает в условиях распространения небывалых информационно-коммуникативных технологий, появления интернет- и мобильной журналистики. Возникли, к примеру, широчайшие возможности для представления отдаленных от аудитории войн и катастроф онлайн — в режиме реального времени. Средства массовой коммуникации стали теперь вездесущими: мгновенная передача информации по всему миру действительно сделала его глобальной деревней (понятие введено Г. М. Маклюэном — см.: [9, с. 461]). Хронотоп новых медиа отличается эластичностью, плотностью, экстерриториальностью. В них осуществляется конвергенция всех традиционных СМИ, совмещение характерных для газет, журналов, радио, телевидения пространственно-временных моделей. Уничтожив расстояния, новые медиа, естественно, преобразовали и время.

На это обратил внимание уже М. Кастельс, выдвинувший актуальную формулу, по которой «*пространство есть кристаллизованное время*» [6, с. 385]. Последнее, в его понимании, наделено совокупными свойствами одновременности и вневременности, эфемерного и вечного, когда «смешение времен в СМИ, происходящее внутри одного и того же канала связи и по выбору зрителя/участника взаимодействия, создает временной коллаж, в котором не только смешиваются жанры, но и их временная развертка превращается в плоский синхронный горизонт без начала, без конца и без какой-либо последовательности» [6, с. 429]. Прежде всего современный медийный хронотоп Кастельс представляет на примере глобальной или информационной, как он выражается, экономики, однако не ограничивается этим, экстраполирует, даже развивает свои выводы о пространственно-временных параметрах сетевого общества, переходя в сферы культуры.

Еще один исследовательский аспект диктуется наличием традиционных способов фактологического и (или) понятийно-образного по преимуществу отображения действительности: информационного, аналитического и публицистического. Эти разновидности журналистской деятельности, которые как бы заменяют то, что в искусстве воплощают направления, также выражаются через характерные хронотопы, соотнесенные на сей раз с ролями и задачами, которые берет на себя автор.

В первом случае это так называемый хронический хроникер. Он несколько обезличен, поскольку скрыт за сообщением, растворен в нем. Хроника современности не имеет предварительного плана и пишется иначе, нежели текст романа — даже исторического, где сюжет выстраивается с более или менее ясным осознанием границ: она составляется буквально от случая к случаю, т. е. постепенно, хотя и в учащенном ритме (о зримом движении секундной стрелки мы уже упоминали). Каноны журналистики заведомо предполагают, что фиксировать следует сразу — регистрировать случившееся только что, поэтому в интернет-откликах время нередко упоминается косвенно либо лишь подразумевается.

Возьмем наугад размещенное на «Яндекс-Новости». Пятерке сменяющих друг друга лаконичных сообщений, где слова «сегодня», «вчера», «недав-

но» почти не встречаются, всегда предшествуют мелко и бледно набранные дата и текущее время, а при расширении информация сопровождается ссылкой на источник с указанием срока получения. Расхождение в часах или минутах обычно весьма незначительное. Причем приближение к событиям предусматривает не только временной — еще и пространственный потенциал, что подтверждает до сих пор сохраняющийся институт собственных корреспондентов (или отважных стрингеров, надежных фрилансеров), работающих в отдаленных от редакции краях и странах. Лихачёв предложил колоритное понятие «эмансипированное художественное время» [8, с. 330, 383], но, видимо, можно говорить и об эмансипированном медийном времени, которое представлено информационным хронотопом прямого эфира.

Впрочем, уже аналитик (комментатор, критик, эксперт) менее стеснен в своих действиях. Событие дает ему всего лишь повод, чтобы затем он мог разобраться в сюминутном, найти причины, определить тенденции и перспективы. А для этого приходится отступать назад и, напротив, высказывать предположения: отыскивать исторические аналогии, брать на себя ответственность в области футурологии. Прогноз, в частности, как явление журналистики имеет вероятностную логику, с его помощью обсуждается развертывание каких-либо современных явлений в грядущем. Выходит, что в аналитике хронотоп самый разносторонний — объемный, свободный, хотя порой и монументально-итоговый. Вот почему аналитические тексты — в отличие от сводок информагентств, где, как правило, отсутствуют подписи, — индивидуально маркированы и чем авторитетнее имя, чем узнаваемее имидж автора, тем притягательнее обозрение или колонка для целевой аудитории.

Публицист, ипостаси которого весьма богаты (от тактичного наставника до пламенного трибуна), все-таки может быть охарактеризован и в целом — за счет особенно осязаемого в его выступлениях личностного напора. Специально высказывающийся по интересующей нас проблематике В. В. Витвинчук допускает присутствие в СМИ хронотопа отображаемого, находя в таковом «метод воспроизведения реальности» [4, с. 8]. Однако акценты явно смещены у него к актам авторского творчества: в основной части своей работы исследователь уже безоговорочно утверждает, что хронотоп «конструируется в журналистике при помощи образных средств в отражении реальности» [4, с. 14].

Управление временем и активная организация пространств, действительно, наблюдается иногда здесь, но почти исключительно в публицистике, и прежде всего — стихотворной. «Клячу историю загоним», «Впе- / ред, / вре- / мя! // Вре- / мя, / вперед!» — так, к примеру, подстегивал эпоху В. Маяковский. И кстати сказать, в подобных устремлениях журналистика сближается с другими массовыми коммуникациями: рекламой и Паблик Рилейшнз. Ведущий хронотоп пресс-релизов, анонсов, баннеров — будущее. Их создатель в еще большей мере — творец новостей и обольститель.

Конкретнее новостная, аналитическая и публицистическая журналистика реализуется в жанрах, которые реагируют на способ отображения жизни более чутко и дифференцированно, чем на принадлежность к виду СМИ (как известно, отчеты или комментарии могут быть и газетными, и радиийными, и телевизионными). В данном своем проявлении хронотопы, возможно, самые очевидные — недаром же В. Г. Белинский именовал жанры формами времени [3, с. 154]. Внутренняя организация хронотопа в журналистике информационной отличается подчеркнутой последовательностью, хотя послед-

няя не всегда буквальная, как в отчете: заметки с их прицельно точечной реакцией на события дискретны по отношению друг к другу.

Новостной хронотоп особенно определенный и обозримый: сказочное волшебство для него невероятно, зато в повышенной цене оказывается неожиданное, даже случайное — сенсации. Отсюда и упомянутая дискретность: серия тех же заметок в онлайн-издании может выглядеть как тройной прыжок, когда хроникер, минуя обыденное, толкается и приземляется от сенсации к сенсации. В информационных СМИ, где и когда читатели, слушатели, зрители непосредственно вовлекаются в действие, переносятся на место и во время происходящего, преобладают сюжетные (а не композиционные) принципы построения, но и такие жанры отнюдь не обязательно линейны. Явное присутствие в тексте, например, репортажей фигуры повествователя позволяет заострить интригу, когда действие начинается с развязки или целиком стянуто к кульминации.

Нечто подобное встречается иногда и в аналитических материалах — таких, как журналистские расследования. Однако в других случаях точка зрения автора-исследователя еще подвижнее. Он легко перемещается в пространстве и во времени, что лучше всего просматривается в международных годовых обзорах. Показательны и статьи, полные прецедентов и сравнительной статистики.

В аналитических жанрах времена, как видим, совмещаются, зато в публицистических они скорее распределены. В частности, программные выступления всегда устремлены в будущее, а хронотоп эссеистики, которая нередко складывается в процессе импровизации, сходен с исполнительским настоящим. Подробнее охарактеризуем «времяпространство» очерковое. Оно тоже внутренне неоднородное: хроникально последовательное в разновидности биографической и бытовое в физиологической, выдвигающееся на передний план в травелогах и затушеванное в нравоописаниях.

Есть, впрочем, и то, что сближает отдельные вариации. Даже в путевых заметках пространственное (точнее — изобразительное) начало затеняет аспекты временные. Очеркисты любят подробности, любят обозревать человека или уклад с разных сторон, воссоздавая объект пластически, и все это если не останавливает, то замедляет время. Жанр в целом тяготеет к постижению устойчивого, постоянного, хотя бы и в пределах едва народившегося. Отсюда — предпочтение, отдаваемое в текстах всевременному наречию «всегда», отсюда — заметная повторяемость, сравнительная статичность повествования. И не случайно очерки — в отличие от центробежных, вызывающих множество ассоциаций зарисовок — строятся центростремительно с целью представить портрет, картину, проблему, разумеется, не исчерпывающе, но все-таки вполне определенно.

До сих пор хронотоп характеризовался по преимуществу как элемент внутреннего устройства текстов, то есть композиционно, однако существенна его роль и в части общей архитектоники массовых коммуникаций. Речь идет об организации суточной сетки вещания, отдельного номера газеты (журнала) и даже конкретной полосы формата А2. В подобной плоскости рассмотрения передачи радио и телевидения (в полном соответствии с приведенным выше положением Прозорова) выстраиваются по временному принципу, а материалы бумажной и электронной прессы — по пространственному. При этом конкретные площади и интервалы могут рассматриваться не только

в творческом, но и в коммерческом аспекте, если они наполняются (или их собираются наполнить) рекламой.

Другими внешними параметрами являются ареалы — большие и малые сферы распространения медийной продукции — и периодичность, связанная со скоростью обновления информации. Существуют СМИ всемирные и локальные, быстрые (новостные разделы сайтов) и медленные (качественные журналы, например), причем в последнем случае именно такой ритм откликов позволяет авторам добиваться повышенной аналитичности (подробней об этом см., напр.: [18, с. 52—53]). Столь обобщенно взятый хронотоп тоже, тем не менее, неразъемен. Так, обязательным признаком общенациональной прессы будет синхронность ее рассылки по всей территории государства. Впрочем, если оно обширно, как наше, включает в себя несколько часовых поясов, а столица располагается на западе страны, задача оказывается все-таки малодостижимой.

Представленные обстоятельства актуализируют понятие информационного пространства, его единства и его масштабов. Процессы глобализации или, напротив, регионализации обеспечиваются и объясняются действием сразу нескольких факторов: технических (длина волны, допустим), экономических (финансовые возможности), культурных (общий язык) и социально-политических (отсутствие либо наличие межнациональных, конфессиональных и иных конфликтов). Где-то информационное поле широкое, где-то узкое, и адекватны этому масштабы отображаемых событий, составляющих в каждом случае характерную повестку дня. Получается, что время фиксируется в пределах определенного места и, наоборот, место трансформирует время: одно перетекает в другое.

И трактуются они почти всегда ценностно: как близкое или далекое, свое или чужое. Но отнюдь не всегда в пары объединяются первые слова или вторые. Подобное присуще СМИ официальным, корпоративным, а по ареалу — в особенности локальным. Зато в прессе оппозиционной, где точкой отсчета становятся штампы «в наши трудные времена» и «в нашей бедной отчизне», хронотопы приобретают вид весьма причудливый. И слева, и справа противостоящие власти публицисты склонны сгущать краски и производить инверсии: кто-то из них идеализирует прошлое, а кто-то уклад зарубежный. И, как в самом что ни на есть тенденциозном искусстве, мир здесь ранжируется по вертикали.

Очевидно, что в последней части статьи мы фактически выходим за пределы поэтики — в сферу типологии. Однако это лишь увеличивает методологический потенциал представляемой категории. Может использоваться она и в такой — уже методической — процедуре, как контент-анализ, ведь выделяемые в его ходе опорные единицы — тоже пространственные (абзацы, публикации) или временные (секунды эфира, дни, месяцы) (подробней об этом см.: [17, с. 644—663]).

Контент-анализ относится к разряду наиболее объективных, математически выверенных способов научного исследования журналистики. Однако вычислить в точности тенденции, наблюдающиеся в этой области сейчас, мешает парадоксальность многих медийных процессов — прежде всего тех, которые складываются в системе отношений СМИ и целевых аудиторий. И речь здесь не только об усугублении культурного разрыва между качественной прессой, например, и неохотно читающими новичками медийного процесса или, наоборот, не о сокращении — за счет расширяющейся онлайн-

практики — дистанций между создающими атмосферу доверительности новыми медиа и их интерактивной аудиторией. В последние годы стали возможны неожиданные высказывания — скажем, Д. Мейровица о том, что «медиа лишают нас чувства места» (цит. по: [1, с. 107]).

Чаше предполагалось как раз обратное, а именно: человек благодаря СМИ укореняется в данном ему пространстве и времени, осваивает их и адаптируется к ним. Однако в планетарном масштабе происходит растворение человека в человечестве, вовлечение его в гигантские всемирные катаклизмы, отчего действительно намечается отрыв индивида от окружающего, отчуждение его от реальности. Как замечает американский журналист Дж. Николс, рассказ «о далеких происшествиях или преступлениях передается как сообщение из соседнего города, и наоборот. Картина мира становится неузнаваемой и неуловимой» [10, с. 58].

Никуда не деться от того обстоятельства, что в каждодневном бытовании каждого из нас все заметнее ослабляется роль непосредственного опыта и свидетельств близких лиц: эмпирические и конкретные представления о мире вытесняются отвлеченными, чужими и не всегда достоверными сведениями. Человек информируемый вытесняется человеком моделируемым, и прежде всего потому, что моделируется сама новость. Причем обозначаемые таким образом условия нашего медийного существования имеют и свои пространственно-временные выражения.

Крайние точки общего процесса — интеграция и децентрализация. С одной стороны, очевидно разрушение всех и всяческих границ под натиском новейших технологий, в результате чего любую, самую свежую, информацию большинство людей могут получить отовсюду и повсюду. С другой стороны, у них же нарастает желание найти уютную для собственного сознания информационную нишу и отгородиться там, общаясь исключительно с подобными себе по возрасту, опыту, духу, интересам. Коммуникация групповая не только сочетается, но и ощутимо враждует теперь с классической коммуникацией массовой.

Последнее особенно распространено в странах молодежи, главная среда обитания для которой уже давно — Интернет, как будто бы являющийся гарантом достоверности и даже сплочения аудитории. Но наряду с этим наблюдается и миграция молодых в собственную тусовку через сетевые каналы, которые кое для кого превращаются в обитель единственно возможную. Человек возвращается в замкнутую сферу, но отгороженную на сей раз не как пещера или удельное княжество — каменными сводами, лесами, болотами и бездорожьем, а незримыми стенами виртуального мира, где совершаются и работа, и покупки, и секс. Таким образом, обращение к средству коммуникации лишь углубляет некоммуникабельность. Конечно, подобное интернет-заклучение — пока удел наиболее продвинутых, но это и тенденция, которая наверняка будет лишь нарастать и распространяться.

Среднее, наиболее продуктивное, поколение, сохранившее в памяти период активного и даже увлеченного общения со СМИ, также в массе своей оставило его за спиной. Те, кто прежде мог позволить себе совмещение необременительной службы на окладе с прослушиванием в рабочее время радио-, а подчас и телепрограмм, обильным и разнохарактерным чтением, теперь вынужденно или убежденно сосредоточились на профессиональной деятельности, меняют ее профили, переучиваются, стремясь закрепить в структуре своих корпораций. СМИ потребляются на фоне усталости и поэтому становятся почти исключительно досуговыми. То есть как пользователи люди зре-

Серия

• «Естественные, общественные науки»

лого возраста — опять-таки — отдаляются в этом случае от реальных противоречий эпохи.

И наконец, обратимся к пенсионерам, которым как раз поздно, казалось бы, менять собственные привычки, подпитываемые к тому же открывшимся ресурсом свободного времени. Однако фатальный старческий ретроспективизм, о котором писал еще Потебня [11, с. 402—410], устойчивую медиаактивность существенно корректирует. Это сказывается не только в консервативном тяготении к изданиям левого толка, подтверждающим как бы жизнеспособность идеалов прошлого и несколько успокаивающим «разум возмущенный». Гораздо показательнее чуть ли не обратная тенденция: пенсионеры заметно оживляются в предвыборной обстановке, когда вектор СМИ ощутимо направляется обещаниями и прогнозами в сторону будущего. Но и там самая внимательная часть нашего электората отмечает для себя по преимуществу знакомое с пионерского детства. Кроме того, в особом почете у нее — локальная пресса, в чем также как будто бы резкое размежевание с более молодыми людьми. Впрочем, объясняется это скорее всего неизбежным уменьшением, в силу возраста, частотности личных контактов, информации о сверстниках. Поэтому знакомство со свежим номером «районки» начинается для многих пенсионеров опять-таки не с общественных, характеризующих настоящее новостей, а, к сожалению, с некрологов.

Вот и получается, что в медиапредпочтениях большинства почти не находится места главному хронотопу традиционных и новых СМИ — окружающей современности. Люди все больше обособливаются и отдают предпочтение журналистике столь же замкнутой в себе, а отнюдь не открытой миру, каковой она и должна бы быть по своему определению.

Исключение — наиболее динамический слой аудитории, это те, кто ежедневно должен принимать самостоятельные решения. Нередко, разумеется, таких людей пренебрежительно считают чрезмерно суетными «хватачами минут» (М. Цветаева), только ведь и основная часть их антиподов — тоже вряд ли небожители или самодостаточные интеллектуалы. И они впаяны в систему массовых коммуникаций — правда, весьма своеобразно: в эпоху формирования внеиерархического общества многие ищут и находят свои вертикальные СМИ, существующие под диктатом руководителя, лидера или авторитета (корпорация, партия, секта, научная специальность, тусовка и т. д.). Динамический человек, напротив, это тот, кто собственными усилиями связует различные горизонтальные страты, соединяет разомкнутые сферы. Так и организуется в общественном сознании ядро, называемое современностью.

В качестве интегрирующего фермента динамический человек оказывается и вне возрастных генераций (согласимся, что как дебютанты, так и ветераны политики и общественной деятельности одинаково внимательно и регулярно следят за прессой), хотя больше всего таких лиц в поколении среднем. Конечно, человека динамического можно назвать и иначе: активным, инициативным, универсальным — личностью, наконец, но важно подчеркнуть и его противостояние социальной статике, застою, пассаеизму, экстерриториальности. Для него характерны адекватные реакции на актуальные события, о которых он прекрасно информирован. А последнее невозможно без посредства и помощи объективных СМИ или же в процессе их безудержной демассификации, какую у нас в последнее время модно выдавать за венец творения.

К сожалению, в постиндустриальном обществе, вопреки очевидному информационному буму, поле объективно-динамической журналистики явно

сужается, в чем просматривается и отклик на ограничение потребностей в разнообразном общении из-за разноречивости фактов, и — одновременно — формовка подобных самоограничений. Декларируемое «открытое общество» в реальности дробится и уже сейчас составляется из множества суверенных мирков. Достижения цивилизации, уют и комфорт усыпляют и мало располагают к тому, чтобы тратить энергию на освобождение от коконов. Однако не стремясь к «самостоянию», заглушая в себе личностные задатки, моделируемая аудитория неизбежно превращается в аудиторию потенциально манипулируемую.

Библиографический список

1. Бакулев Г. П. Основные концепции массовой коммуникации. М. : Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2002. 113 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 138—192.
4. Витвинчук В. В. Социальная миссия российской журналистики: эволюция методов творческой деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Ч. 3 : Система отдельных искусств // Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1971. Т. 3. 624 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Корконосенко С. Г. Основы журналистики : учеб. для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. 287 с.
8. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л. : Худож. лит., 1971. 415 с.
9. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга : сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2003. 432 с.
10. Николс Д. Чтобы не быть растоптанными поодиночке : выступление на 25-м Конгрессе МФЖ в Афинах // Журналист. 2004. № 7. С. 57—58.
11. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 614 с.
12. Пришвин М. М. О творческом поведении. М. : Сов. Россия, 1969. 160 с.
13. Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики, или СМИ наяву. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 238 с.
14. Смирнов В. Б. Медиапоэтика как актуальная проблема теории журналистики // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 205—208.
15. Страшинов С. Актуальные медиапонятия: опыт словаря сочетаемости. [Б. м.] : Изд. решения, 2017. 236 с.
16. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
17. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. 4-е изд. М. : Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2009. 832 с.
18. Шильникова О. Г. Хронотоп «толстого» журнала: типологическая идентификация, конструктивные и качественные параметры, формы репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9. 2010. Вып. 9. С. 50—61.

ББК 66.4(2Рос),3

С. В. Соколова, В. Л. Черноперов

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИИ В ОТНОШЕНИЯХ БЕЛОРУССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Рассматриваются отношения Белоруссии и Европейского союза в сфере прав человека и демократии. Особое внимание обращено на влияние этого фактора на санкционную политику ЕС в отношении РБ и ее волнообразность. Выявлено стремление Евросоюза использовать проблему демократии и прав человека не только для демократизации политического режима Белоруссии, но и для геополитического отрыва ее от России. Сделан прогноз относительно эффективности этого курса в обозримой перспективе.

Ключевые слова: Белоруссия, Европейский союз, демократия, права человека, политические заключенные, санкции, Россия.

This article is devoted to relations between Belorussia and the European Union in the field of human rights and democracy. Special attention is paid to the influence of this cooperation on the European Union sanctions policy against Belorussia and its cyclic character. Aspiration of the European Union to use the problem of democracy and human rights not only to democratize the political regime in Belorussia, but also to lessen the Russian geopolitical impact on the post-Soviet republic is revealed. A political forecast about the effectiveness of this policy in the foreseeable future is made.

Key words: Belorussia, the European Union, democracy, human rights, sanctions, political prisoners, Russia.

Официально декларируемая внешнеполитическая стратегия Европейского союза — защита и распространение ценностей демократии и прав человека, что априори предполагает жесткое противостояние с теми государствами, которые пренебрегают этими вопросами (в их западном понимании). Среди таковых, по мнению Брюсселя, — Белоруссия, ведомая А. Г. Лукашенко, которого на Западе часто называют «последним диктатором Европы».

Республика Беларусь (РБ) с момента обретения государственного суверенитета в июле 1990 г. сразу же предприняла серьезные усилия по освобождению от коммунистического прошлого, развитию демократии и сближению с Европейским союзом. Верховный Совет страны 12-го созыва «ратифицировал практически все международные договоры в области прав человека и принял ряд законов, закрепляющих демократические принципы государственного устройства» [22]. На референдуме 1994 г. в стране была принята Конституция, призванная закрепить приверженность РБ европейским стандартам в области прав человека [15]. Помимо общепринятых принципов государственного устройства — разделения властей на законодательную, ис-

© Соколова С. В., Черноперов В. Л., 2017

2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

полнительную и судебную (ст. 6), верховенства Конституции и законов (ст. 7), приоритета «общепризнанных принципов международного права» и обеспечения соответствия «им законодательства» (ст. 8), обеспечения прав и свобод граждан (ст. 21) — белорусское государство в статье 2 зафиксировало: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности». Кроме того, в русле европейской демократической традиции в РБ гарантировалось развитие демократии «на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений» (ст. 4), закреплялись принципы организации и деятельности судебной власти (глава 6). Конституция 1994 г. учредила также пост президента как главы исполнительной власти, что опять же не противоречило общеевропейской традиции.

Вопрос о президентстве при обсуждении Конституции вызвал бурные дискуссии. «В конце концов большинство депутатов Верховного Совета согласились на включение в проект Конституции фигуры “сильного президента” по российскому образцу» [22]. При этом депутаты предполагали, что первым президентом РБ станет на период дебатов о Конституции фактический глава государства — премьер-министр В. Ф. Кебич. Однако во втором туре голосования 10 июля 1994 г., набрав, согласно официальным данным, 80,34 % бюллетеней, его уверенно опередил председатель временной антикоррупционной комиссии Верховного Совета Беларуси А. Г. Лукашенко [32].

Первый президент РБ, в условиях социально-экономического кризиса, сразу же принял действенные шаги по укреплению президентской власти [22]. В их ряду важное место отводилось референдуму, на котором белорусы должны были ответить на четыре вопроса: о придании русскому языку статуса государственного, об изменении государственной символики, о поддержке действий президента, направленных на экономическую интеграцию с Российской Федерацией, и о предоставлении президенту РБ права распускать Верховный Совет страны «в случаях систематического или грубого нарушения» им Конституции. Все выносимые вопросы, и особенно последний, вызвали протесты, прежде всего Белорусского народного фронта (БНФ). Однако 14 мая 1995 г. референдум состоялся. Причем по четвертому вопросу, согласно официальным данным, 77,7 % поддержали инициативу А. Г. Лукашенко [35].

По сей день не утихают споры о подготовке и итогах референдума 1995 г. Не вдаваясь в детали дискуссии, сошлемся на авторитетное мнение доктора юридических наук М. Пастухова, занимавшего в 1995 г. кресло судьи Конституционного суда РБ: «...нет никаких оснований считать этот референдум противоречащим нормам Конституции. Серьезных нарушений законности в ходе голосования также не было. Но референдум явился шагом на пути наступления президента на систему разделения властей, последовательного усиления исполнительной президентской власти за счет законодательной и судебной, постепенно выводящего за пределы демократических норм и в конце концов приведшего к антиконституционным последствиям» [22].

Итоги референдума 14 мая 1995 г. в России были оценены с мало скрываемой радостью [25]. Принципиально иной была реакция Европейского союза. Здесь приход к власти в Белоруссии президента, открыто ориентирующегося на Россию, восприняли с недовольством, поэтому не признали итоги референдума 1995 г. При активном участии представителей Евросоюза

Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) объявила голосование не соответствующим международным нормам свободного и справедливого волеизъявления.

Критику ЕС укрепляла развернувшаяся в РБ избирательная кампания в Верховный Совет 13-го созыва, которую власти страны провели в два этапа — в мае и декабре 1995 г. В это время западные лидеры в своих заявлениях подчеркивали факт вмешательства исполнительной власти в избирательный процесс, препятствие деятельности политических партий и т. д.

Ситуация еще более обострилась после белорусского референдума 24 ноября 1996 г. Тогда на голосование были вынесены 7 вопросов, из которых 4 инициировал А. Лукашенко и 3 — Верховный Совет. По итогам, все предложения Верховного Совета были отклонены. Согласно официальным данным, народ поддержал только вопросы, вынесенные на голосование президентом, — о переносе Дня независимости Республики Беларусь (Дне Республики) на 3 июля — день освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне и о внесении изменений и дополнений в Конституцию 1994 г. (новую редакцию Конституции Республики Беларусь). В поддержку первого вопроса высказались 88,18 % голосовавших, второго — 70,45 % [36]. В результате положительного ответа на второй вопрос Белоруссия превратилась в президентскую страну.

На изменения в РБ 1995—1996 гг. Европейский союз отреагировал бурно и жестко. ЕС вместе с ОБСЕ и Советом Европы не признали результаты референдума 1996 г. и конституирование новых органов власти, включая новый парламент — Национальное собрание [34]. В результате Совет Европы приостановил статус Белоруссии как специально приглашенной страны, а Евросоюз — действие рамочных договоров, подписанных с Белоруссией в 1995 г.: Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а также Временного соглашения по вопросам торговли [34]. С сентября 1997 г. были прерваны все виды контактов с правительством РБ, исключая лишь программы, нацеленные на сотрудничество в гуманитарной сфере, на соработничество регионов и развитие гражданского общества [37].

С 1996 г. отношения ЕС и РБ оказались практически полностью заморожены. При этом все страны Евросоюза ратовали за поддержку процесса демократизации «режима Лукашенко» и выражали готовность снять или ослабить санкции, если РБ пойдет на либерализацию режима и выполнит некоторые требования ОБСЕ — вернет полномочия парламенту, обеспечит оппозиции доступ к СМИ и в избирательные кампании, приведет электоральное законодательство в соответствие с международными нормами [37]. Однако Минск на уступки не шел. В итоге критика со стороны стран ЕС сохранилась как после президентских выборов 2001 и 2006 гг., на которых уверенную победу одержал А. Лукашенко (75,65 % и 83 % соответственно [22, 33]), так и после парламентских выборов 2000, 2004 и 2008 гг., на которых успех праздновали сторонники/ставленники президента, или после референдума 2004 г., когда было снято ограничение на количество президентских сроков. Кстати, после победы Лукашенко в 2006 г. Евросоюз ввел санкции «против примерно 40 должностных лиц, обвиненных в причастности к фальсификации результатов голосования» [10].

Во время белорусских президентских и парламентских выборов в Брюсселе с 2001 по 2004 г. разрабатывали Европейскую политику соседства (ЕПС), предусматривавшую сотрудничество ЕС со странами постсоветского

пространства и Средиземноморья [37]. Белоруссия с ее внутренней политикой явно выпадала из наметившейся программы. Отмеченные выше санкции, нацеленные на продвижение Минска по пути демократии, действенного результата, однако, явно не давали, что усиливало в ЕС дискуссии о путях демократизации «режима Лукашенко». Так, если ФРГ и Швеция считали, что к этой цели ведет «расширение контактов с белорусской оппозицией и низким уровнем администрации», то представители Великобритании и Нидерландов во главу угла ставили жесткие санкции [38]. Позже эти и другие разногласия провалили инициативу Чехии, Словакии, Литвы и Польши по расширению списка официальных лиц Белоруссии, коим после президентских выборов 2006 г. следовало автоматически отказывать во въезде в Евросоюз [38]. Кстати, возможно, отмечаемая разногласия в подходах Брюсселя к Минску объяснялась более глубокой проблемой — отсутствием в ЕС квалифицированных экспертных оценок относительно ситуации на постсоветском пространстве, о чем пишут специалисты [38].

В 2004 г. произошло крупнейшее в истории Евросоюза расширение. Его новыми членами стали республики экс-СССР — Латвия, Литва и Эстония. В ЕС вошли в прошлом советские сателлиты — Венгрия, Польша, Словакия и Чехия (Чехословакия). Кроме того, в двери Брюсселя стучались еще два бывших союзника СССР по Варшавскому договору — Болгария и Румыния (станут членами ЕС в 2007 г.). Новая ситуация и отсутствие подвижек в политике Минска заставили Европейский союз внести свежие нотки в заявления, адресованные РБ. Председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу в обращении «Что Европейский союз может сделать для Белоруссии» внимание фокусировал на непродуктивности самоизоляции режима и на реальной возможности для белорусов через связи с ЕС существенно поднять качество жизни. Об этом же говорилось в «Стратегическом докладе по Белоруссии на 2007—2013 гг.» (см.: [37]). Кроме того, в 2006—2007 гг. Еврокомиссия с подачи Германии расширила номенклатуру бонусов для постсоветских государств [38].

Минск, внимательно следивший за изменением позиции лидеров Евросоюза и заинтересованный в экономической и иной поддержке ЕС, пошел на определенные уступки. Тюремные стали покидать лица, известные на Западе как политзаключенные. В октябре 2007 г. А. Лукашенко одобрил проект соглашения об открытии в Минске представительства Европейской комиссии. На основании этого решения в марте 2008 г. в Брюсселе был подписан Меморандум о взаимопонимании относительно открытия Представительства Еврокомиссии, с которым евродепутат от немецкой партии «Зеленых» Э. Шредтер связывала «надежды на то, что оно “послужит демократическим символом в Беларуси”» [40]. И эти слова, думается, можно транслировать на позицию большинства официальных лиц ЕС.

В начале августа 2008 г. в Закавказье очередное обострение грузино-югоосетинского конфликта подвигло Россию к применению вооруженных сил против Грузии и признанию независимости Республики Южная Осетия (РЮО) и Республики Абхазия (РА). Мировое сообщество осудило это решение. В условиях наметившейся изоляции Москва надеялась на поддержку Белоруссии как страны, входящей с Россией в Союзное государство (СГРБ), выстраиваемое с апреля 1996 г. В России питали надежды, что вслед за РБ независимость РЮО и РА признают и союзники по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Однако А. Лукашенко, заявив о правомерности применения Москвой вооруженных сил, от признания новых закав-

казских республик воздержался. Не сделали этого и другие страны ОДКБ. Кстати, непризнание Белоруссией Южной Осетии и Абхазии заблокировало вступление этих закавказских республик в СГРБ, о желательности которого говорил, например, депутат Государственной думы В. Водолацкий в сентябре 2008 г. (см.: [23]).

Почему Минск не поддержал Москву? Несомненно, свою роль сыграло давление ведущих западных стран. Ведь дальнейшее ужесточение позиции коллективного Запада в отношении РБ могло привести к резкому ухудшению социально-экономической жизни белорусов и, как следствие, к непредсказуемым последствиям для режима Лукашенко. Поэтому Минск тянул время, вел переговоры с Москвой о поддержке на случай полномасштабных санкций, ждал решения по РЮО и РА со стороны других членов ОДКБ и параллельно делал шаги навстречу Западу, прежде всего в вопросах демократизации и прав человека.

15 августа на основании специального президентского указа о помиловании свободу обрел политзаключенный А. Козулин, баллотировавшийся в марте 2006 г. на пост президента Белоруссии и получивший тюремный срок за организацию несанкционированной акции протеста (хулиганство) [26]. Через пять дней были выпущены на свободу активист оппозиционной организации «Малады фронт» А. Ким и один из лидеров предпринимательского движения С. Парсюкевич, которых на Западе называли последними политзаключенными [14].

Действия Минска вряд ли радовали Москву, иные настроения осенью 2008 г. утверждались в Брюсселе. Уже в сентябре в ведомстве комиссара ЕС по внешним связям и европейской политике соседства раздались голоса о возможном снятии с Белоруссии политических санкций [12]. Правда, лишь после положительной оценки ОБСЕ процедуры выборов в Палату представителей Национального собрания Белоруссии, которые были намечены на 28 сентября 2008 г.

Режим Лукашенко готовился к этому голосованию, обещая сделать волеизъявление максимально прозрачным. Ведь Минск в условиях неопределенных отношений с Москвой был крайне заинтересован в признании легитимности голосования со стороны Евросоюза и избежания новых санкций. И в целом это ему удалось. Хотя по итогам выборов в парламент РБ не прошел ни один кандидат от оппозиционного Объединения демократических сил, западные наблюдатели первоначально не делали былых жестко-критических заявлений [3]. Здесь весьма показательным является заявление главы делегации Парламентской ассамблеи ОБСЕ на белорусских выборах А.-М. Лизен после посещения двух избирательных участков: «Я могу сказать, что у меня в целом позитивное впечатление... выборы проходят по установленным правилам достаточно прозрачно. На сегодняшний момент всё хорошо, но надо дождаться других наблюдателей, которые работают в других регионах Беларуси» (цит. по: [7]).

Позже западные наблюдатели оценки, правда, подкорректировали, отметив, что ни сами выборы, ни их подготовка «мировым демократическим нормам... не удовлетворили» [16, 20]. Но не эта критика стала определяющей для ЕС. В Брюсселе сохранялись надежды на укрепление взаимопонимания с Белоруссией в вопросах демократии и прав человека. Подтверждением служит резолюция Европарламента от 9 октября 2008 г. В ней евродепутаты поддержали позицию РБ по непризнанию Южной Осетии и Абхазии. Кроме

того, депутаты и Совет ЕС в качестве бонуса приостановили на 6 месяцев действие запрета на въезд в ЕС руководителям и высшим чиновникам, лишенным этого права после выборов президента 2006 г. [10, 23]. По оценке Министерства иностранных дел Германии, этими решениями «была открыта дверь для новой фазы сотрудничества Запада с Беларусью» (см.: [30, с. 10]). Еще одним ободряющим Лукашенко шагом стали заявления о поддержке его политики многими государственными деятелями. Так, активным защитником Белоруссии и лично «последнего диктатора Европы» перед Евросоюзом стал президент Грузии М. Н. Саакашвили [23], чей авторитет у многих европейцев (особенно в странах Центрально-Восточной Европы) в то время был весьма значителен. На Лукашенко, как отмечают некоторые специалисты, сработал также шведско-польский проект ЕС «Восточное партнерство», запущенный в мае 2008 г. и ориентированный на постсоветское пространство. Эта инициатива, выступая по факту механизмом «социализации политических элит региона», инструментом «экспорта норм права Европейского союза» и гармонизации «национального права постсоветских стран с законодательными нормами ЕС», в случае с Белоруссией стала для режима Лукашенко инструментом «выхода из международной изоляции и повышения престижа, негласной легитимацией» [37, 38]. Минск умело использовал диалог в сугубо конъюнктурных целях.

Со стороны анализ происходящих процессов позволял надеяться, что Минск и Брюссель с трудом, но всё-таки в обозримом будущем смогут найти консенсус и снять санкции. Тем более, что Минск прилагал усилия по открытию страны накануне декабрьских 2010 г. выборов президента (подробнее см.: [17]). Кроме того, РБ и ЕС вне проблем демократии и прав человека (охрана границ, борьба с нелегальной эмиграцией и т. д.) успешно сотрудничали даже в самые сложные периоды двусторонних отношений. На сближение Белоруссии с Евросоюзом мог сыграть и «российский фактор». 2010 год «стал наихудшим» во взаимоотношениях Минска и Москвы [23], и в этой связи Лукашенко нуждался в надежной опоре на Западе.

Но ожидавшегося сближения Евросоюза и Белоруссии не случилось. 19 декабря 2010 г. в РБ прошли президентские выборы, которые в четвертый раз выиграл А. Г. Лукашенко (79,65 % голосов) [31]. Оппозиция попыталась протестовать и вывела на улицы Минска несколько десятков тысяч сторонников [24]. Власть ответила жестко — митингующие были разогнаны силовиками, более 600 оказались за решеткой или под домашним арестом, включая 7 кандидатов в президенты — Г. А. Костусёва, А. А. Михалевича, В. А. Ромашевского, А. О. Санникова, Н. В. Статкевича, Д. И. Усса и В. П. Некляева, последнего к тому же избивали.

В этих условиях, 12 января 2011 г. депутаты Европарламента, в очередной раз осудив репрессии в Белоруссии, призвали власти ЕС ввести новые санкции в отношении Минска [6]. Причем Польша и Швеция требовали уже экономических санкций, в частности эмбарго на поставки из РБ калийных удобрений и нефтепродуктов [10]. Власти ЕС это предложение не поддержали, но в феврале 2011 г. запретили въезд более чем 140 должностным лицам РБ, включая президента А. Лукашенко и его сыновей — Виктора и Дмитрия [10]. Кроме того, у попавших под санкции замораживались зарубежные активы. Оружие и иное оборудование, которое могло использоваться белорусскими властями для внутренних репрессий, также попало под эмбарго [11].

В марте 2012 г. после введения в РБ смертной казни ЕС расширил антибелорусский санкционный список до 243 человек и 32 фирм [39].

Санкционная политика Евросоюза в отношении Минска, которую Брюссель называл «критическим взаимодействием», не принесла успехов и на этот раз, о чем говорят данные Freedom House. По свидетельству этой международной неправительственной организации по вопросам мониторинга прав человека, ЕС так и не удалось поставить Белоруссию на путь «истинной демократии», страна осталась в группе несвободных государств [41]. Белоруссия привыкла жить в условиях постоянных политических санкций и, похоже, перестала обращать на них внимание, тем более что экономическое сотрудничество с Евросоюзом развивалось. Элита РБ оказалась куда более озабочена сохранением у себя в стране политического статус-кво, чем возможностью посещать западные государства. При этом официальный Минск на сообщения о санкциях отвечал. Так, после мартовского 2012 г. решения Евросоюза о расширении репрессалий Белоруссия предложила послам Польши и ЕС «съездить домой и проинформировать власти о том, что Минск не приемлет такой подход» [39]. Разразился дипломатический скандал. В знак солидарности с послами Польши и Евросоюза Белоруссию покинули послы всех стран ЕС [39], однако для РБ это не стало шоком. Как не вызвало шока продление Европейским союзом в конце октября 2014 г. антибелорусских санкций еще на один год (до 31 октября 2015 г.). В Минске продление санкций не виделось катастрофой еще и потому, что одновременно в ЕС заявили, что в отношении 24 белорусских чиновников и 7 предприятий РБ Союз более не видит «оснований для сохранения санкций» [11].

11 октября 2015 г. в РБ прошли очередные президентские выборы, на которых, по официальным данным, 83,47 % голосов избирателей получил А. Г. Лукашенко, став президентом в пятый раз [29]. По сложившейся традиции можно было ожидать новой суровой критики в адрес «последнего диктатора Европы», тем более, что в период подготовки выборов СМИ сообщали о нарушениях агитационной кампании [13], об акциях протеста накануне [4] и после голосования [1]. Однако серьезной критики в адрес Минска на этот раз не прозвучало. Более того, как с тревогой отмечали журналисты Би-Би-Си, «нынешние выборы впервые за 21 год президентства Лукашенко могут быть признаны Западом как соответствующие основным демократическим стандартам», что обещало приостановку или даже снятие санкций с РБ [4]. Так и произошло. В конце октября 2015 г. после заседания Совета министров стран-членов ЕС была обнародована информация о приостановке на 4 месяца ограничительных мер в отношении более чем 170 лиц и части белорусских компаний, что означало свободу въезда в страны Евросоюза и разморозку счетов [8]. Правда, в Брюсселе тут же напомнили, что санкции могут вернуться.

Отмеченное смягчение позиции Европы в отношении Белоруссии было связано не столько с определенными шагами официального Минска (освобождением из тюрьмы экс-кандидата в президенты Н. Статкевича, которого на Западе считали политзаключенным [21]), сколько с ситуацией на Украине.

Определенное время официальный Минск оставался сторонним наблюдателем в конфликте, порожденном протестами на Майдане и переросшем в свержение власти президента В. Ф. Януковича и гражданскую войну в Донбассе. Но этот нейтралитет сохранялся недолго. Летом 2014 г. А. Г. Лукашенко стал модератором при урегулировании украинского кризиса

в рамках Нормандской группы (Россия, Германия, Франция, Украина), откликнувшись на такую просьбу со стороны украинского президента П. П. Порошенко [19]. В итоге в сентябре 2014 г. появились пресловутые Минские соглашения, составляющие, как утверждают подписанты, пошаговый план урегулирования ситуации на Украине.

Оценивая политику Лукашенко, генеральный директор Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве МГУ им. М. В. Ломоносова С. Рекеда подчеркивает: «В данном случае роль посредника для него [А. Лукашенко] идеальна для того, чтобы не метаться “меж двух огней” — не потерять экономических партнеров в Украине и не получить дополнительные санкции от ЕС в случае бескомпромиссной поддержки российской политики. Также ему важно не спровоцировать напряжение в отношениях с Россией и внутривнутриполитический кризис внутри своей страны, поддержав исключительно новое киевское руководство. Поэтому предоставив площадку для переговоров, пусть и не слишком перспективных, Лукашенко нашел свою роль в нынешнем конфликте, которая минимизирует риски для Минска» (цит. по: [19]). Касаясь Евросоюза, то авторам настоящего материала представляется верным мнение белорусского политолога В. Карбалевича, который видит в шагах ЕС навстречу РБ желание Евросоюза «вытащить Беларусь из геополитического поля России» (см.: [8]). Насколько эта линия будет перспективна, говорить сложно. Хотя, по данным Белорусского института стратегических исследований, к концу 2016 г. у РБ «продолжилась долгосрочная тенденция по расширению и наращиванию содержательной повестки дня с институтами и странами Евросоюза» при ухудшении отношений с Россией до «абсолютного минимума за весь период анализа (с 2011 года)» [18], маловероятно, чтобы Минск полностью отвернулся от Москвы. На сохранение этого союза играют не только исторические, культурные, политические или экономические связи, но и стремление Лукашенко удержать власть. Этот опытный политик хорошо понимает, что украинский сценарий может повториться у него на родине. Сложно представить, чтобы он не знал о том, что на митинге накануне октябрьских выборов 2015 г. один из ораторов — экс-кандидат в президенты В. Некляев заявлял: «Власти пугают нас Украиной, но они врут: Украина не проиграла, она свободна!» [4]. В этом контексте представляется не случайным заявление Лукашенко от 21 марта 2017 г. о задержании десятков бойцов, связанных с оппозицией, которые тренировались с оружием в руках на территории Украины и Белоруссии и получали финансирование из Польши и Литвы [2]. Отметим также жесткое пресечение силовыми структурами РБ акции протеста в так называемый «День Воли» 25 марта 2017 г. с арестами от 100 до 700 человек [5]. Ясно, что это не могло произойти без приказа, полученного с самого верха. Ясно также, что такие действия чреватые новой порцией критики Белоруссии со стороны Европейского союза за нарушение прав человека и принципов демократии (а они уже последовали [9]), что также чревато новыми санкциями. Но, видимо, официальный Минск на данном историческом этапе решил не повторять ошибки экс-президента Украины В. Ф. Януковича, не разогнавшего демонстрантов силой и поплатившегося властью. К тому же в Белоруссии учитывают, что сегодня ЕС заинтересован в минской площадке для решения конфликта на Украине, что Брюссель занят сейчас более внутренними проблемами и угрозами, связанными с миграцией, выходом из Союза Великобритании, приходом к власти в США новой адми-

нистрации Д. Трампа и т. д., что выносит белорусские дела в целом и проблему прав человека в частности на периферию внимания Евросоюза.

В заключение отметим следующее. Диалог Европейского союза и Республики Беларусь по проблеме прав человека и демократии развивался волнообразно — от резкого неприятия действий официального Минска до нейтральных оценок. При этом позиция Брюсселя отличалась и отличается двойными стандартами (если не сказать, цинизмом). Как только Белоруссия начинает дистанцироваться от России, жесткие оценки ЕС в ее адрес смягчаются, что ведет к ослаблению санкций и умалению внимания к демократическим правам. И наоборот, при демонстрации Минском симпатий к курсу Москвы Евросоюз почти автоматически выводит на авансцену проблему прав человека и начинает очередной виток критики режима А. Лукашенко. В целом вопрос о дальнейшем движении РБ на Запад или Восток остается открытым, и здесь многое будет зависеть не только от ЕС, но и от России, которой следует найти варианты сохранения Белоруссии в своем геополитическом поле, если Москва продолжает курс на выстраивание евразийского глубоко интеграционного сообщества.

Библиографический список

1. Акция протеста в Минске завершилась // TUT.by. 11.10.2015. URL: <https://news.tut.by/politics/468118.html> (дата обращения: 10.02.2017).
2. В Беларуси задержали готовивших провокацию с оружием боевиков // Новости Беларуси : Белорус. телеграф. агентство. 21.03.2017. URL: <http://www.belta.by/president/view/v-belarusi-zaderzhali-gotovivshih-provokatsiju-s-oruzhiem-boevikov-238543-2017/> (дата обращения: 21.03.2017).
3. В Белоруссии завершились парламентские выборы: оппозиция не прошла. 29.09.08. URL: <http://www.newsru.com/world/29sep2008/elec.html> (дата обращения: 06.12.2016).
4. В Минске прошли массовые акции против Лукашенко // BBC : Русская служба. 10.10.2015. URL: <http://korrespondent.net/world/3574749-v-mynske-proshly-massovyue-aktsyyu-protyv-lukashenko> (дата обращения: 10.01.2017).
5. Взяли всех. День Воли — 2017 года прошел по жесткому сценарию // TUT.by. 25.03.2017. URL: <https://news.tut.by/economics/536807.html> (дата обращения: 25.03.2017).
6. Германия и Италия требуют введения санкций против Белоруссии // ИА Regnum. 13.01.2011. URL: <https://regnum.ru/news/1364117.html> (дата обращения: 20.12.2016).
7. Глава делегации ПА ОБСЕ заявляет о позитивных впечатлениях от парламентских выборов в Беларуси // TUT.by. 28.09.2008. URL: <https://news.tut.by/politics/118049.html> (дата обращения: 07.02.2017).
8. Дехтяренко А. Европа хочет использовать Лукашенко в конфликте с Россией // Апостроф. 29.10.2015. URL: <http://apostrophe.com.ua/article/world/2015-10-29/evropa-hochet-ispolzovat-lukashenko-v-konflikte-s-rossiey/2495> (дата обращения: 12.12.2016).
9. Евросоюз призвал Беларусь не применять силу против демонстрантов // Sputnik Беларусь. 25.03.2017. URL: <https://sputnik.by/politics/20170325/1028015548/evrosoyuz-osudil-zaderzhania-na-den-voli.html> (дата обращения: 25.03.2017).
10. ЕС ввел санкции против руководства Белоруссии // BBC : Русская служба. 31.01.2011. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2011/01/110131_belarus_eu_sanctions.shtml (дата обращения: 10.12.2016).
11. ЕС на год продлил санкции против Белоруссии // ПОЛИТ.Ру. 30.10.2015. URL: <http://polit.ru/news/2014/10/30/belarus/> (дата обращения: 10.12.2016).

12. ЕС снимает санкции с Белоруссии // Сегодня.Ру. 09.09.2008. URL: <http://www.segodnia.ru/content/19828> (дата обращения: 06.12.2016).
13. За нарушение избирательного законодательства руководителя БТ фактически не наказали // Euroradio. 24.09.2015. URL: <http://euroradio.fm/ru/za-narushenie-izbiratelnogo-zakonodatelstva-rukovoditelya-bt-fakticheski-ne-nakazali> (дата обращения: 10.01.2017).
14. *Константинов Г.* Сергей Парсюкевич и Андрей Ким вышли на свободу // Deutsche Welle на русском языке. 20.08.2008. URL: <http://www.dw.com/ru/сергей-парсюкевич-и-андрей-ким-вышли-на-свободу/a-3581874> (дата обращения: 06.12.2016).
15. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 06.01.2017).
16. *Латам Дж.* О парламентских выборах в Белоруссии // Голос Америки. 02.10.2008. URL: <http://web.archive.org/web/20081003114221/http://voanews.com/russian/2008-10-02-voa1.cfm> (дата обращения: 12.12.2016).
17. *Мельянюц Д.* Беларусь — ЕС: диалог у чекані выбару // Белорусский ежегодник — 2010 : сб. обзор. и аналит. материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2010 году / сост. и ред. А. Паньковский, В. Костюгова. Минск : Белорус. ин-т стратег. исслед., 2011. С. 92—101.
18. *Мельянюц Д., Костюгова В., Прейгерман Е., Филиппов А., Богдан С., Богуцкий О.* Белорусский внешнеполитический индекс № 35 (ноябрь — декабрь 2016 г.) // Belorussian Institute for Strategic Studies : biss. URL: http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_BFPI_35_ru_0.pdf (дата обращения: 20.03.2017).
19. *Муминов А.* Минск перетягивает у Астаны лавры миротворца в украинском кризисе // КУРСИВkz. 06.08.2014. URL: http://www.kursiv.kz/news/vlast/minsk_peretyagivaet_u_astany_lavry_mirotvortsa_v_ukrainskom_krizise/ (дата обращения: 12.12.2016).
20. Освещение избирательной кампании в белорусских СМИ было явно недостаточным, считают эксперты БДИПЧ ОБСЕ // БелаПАН : белорус. информ. компания. 30.11.2008. URL: <http://belapan.com/archive/2008/11/30/269601/> (дата обращения: 12.12.2016).
21. Освобожденный Николай Статкевич вернулся в Минск // TUT.by. 22.08.2015. URL: <https://news.tut.by/politics/461418.html> (дата обращения: 05.01.2017).
22. *Пастухов М.* Развитие правовой системы Беларуси (до и после ноябрьского 1996 г. референдума) // Россия и Белоруссия: общества и государства / ред.-сост. Д. Е. Фурман. М. : Права человека, 1998. С. 296—315. URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-28.html> (дата обращения: 10.12.2016).
23. *Полозов А.* Признает ли Минск Южную Осетию и Абхазию? // Столетие : информ.-аналит. изд. Фонда исторической перспективы. 09.11.2012. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/priznajot_li_minsk_juzhnuju_osetiju_i_abkha_ziju_808.htm (дата обращения: 06.12.2016).
24. Последний всплеск большого протеста. Площади—2010 — шесть лет // TUT.by. 19.12.2006. URL: <https://news.tut.by/economics/524236.html> (дата обращения: 05.01.2017).
25. Постановление Государственной думы Федерального собрания РФ от 19 мая 1995 г. № 787-І ГД «О заявлении Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации “В связи с результатами всенародного референдума 14 мая 1995 года в Республике Беларусь”». URL: <http://www.jurbase.ru/texts/sector156/tez56355.htm> (дата обращения: 06.01.2017).
26. Президент Беларуси помиловал оппозиционера Козулина // Корреспондент.net. 16.08.2008. URL: <http://korrespondent.net/world/556200-prezident-belarusi-pomiloval-oppozicionera-kozulina> (дата обращения: 06.12.2016).

27. Протесты в День Воли в Минске: сотни задержанных // ВВС : Русская служба. 25.03.2017. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39393401> (дата обращения: 25.03.2017).
28. Результаты выборов Президента Республики Беларусь 9 сентября 2001 г. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PRB2001-Results.pdf> (дата обращения: 06.01.2017).
29. Республика Беларусь : сведения о результатах голосования 11 октября 2015 года. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PRB2015-itog.pdf> (дата обращения: 06.01.2017).
30. *Русакович А. В.* Беларусь — Германия: два десятилетия межгосударственных отношений // IfD focus / Ин-т нем. исслед. 2012. № 1 (11). С. 5—13.
31. Сведения о результатах голосования по выборам Президента Республики Беларусь 19 декабря 2010 года. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/lections-PRB-sved21.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
32. Сведения об итогах выборов Президента Республики Беларусь. I тур — 23 июня 1994 г. II тур — 10 июля 1994 г. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PRB1994-Itogi.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
33. Сведения об итогах выборов Президента Республики Беларусь 19 марта 2006 года. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PRB2006-Sved1.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
34. *Снапковский В.* Внешняя политика Республики Беларусь: первые итоги первого десятилетия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 4. URL: http://portalus.ru/modules/belarus/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1096041141&archive=&start_from=&ucat=20& (дата обращения: 04.01.2017).
35. Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов : об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1995-Soob.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
36. Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов : об итогах голосования на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1996-Soob.pdf> (дата обращения: 04.01.2017).
37. *Стрелков А. А.* Киев и Минск между Москвой и Брюсселем: уравнение с четырьмя неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 39—80. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/10/25/43/10254336.html#idm139807820398544> (дата обращения: 16.02.2017).
38. *Стрелков А. А.* Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 9—38. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/10/25/43/10254336.html#idm139807820398544> (дата обращения: 16.02.2017).
39. *Чайчиц В. Н.* Политический кризис в отношениях между Республикой Беларусь и Германией // Интелпрос : интеллектуальная Россия. Мир и политика. 2012. № 6. URL: <http://mir-politika.ru/372-germania-belorussia.html> (дата обращения: 01.12.16).
40. Что принесет Беларуси открытие Представительства Еврокомиссии в Минске? // Deutsche Welle на русском языке. 07.03.2008. URL: <http://www.dw.com/ru/что-принесет-беларуси-открытие-представительства-еврокомиссии-в-минске/a-3178536> (дата обращения: 13.12.2016).
41. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/belarus> (дата обращения: 13.12.2016).

Сведения об авторах

БЕДА студентка 4-го курса
Анна Николаевна социолого-психологического факультета,
Ивановский государственный университет.
anutochka_love@mail.ru

БОРИСОВА кандидат юридических наук,
Ольга Валентиновна доцент кафедры уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
borisovs1ov1an@gmail.com

ВЕРЕМЬЁВА кандидат педагогических наук,
Наталья Васильевна доцент кафедры непрерывного психолого-
педагогического образования,
Ивановский государственный университет.
weremjow@yandex.ru

КАРЕЕВ кандидат исторических наук, доцент кафедры
Дмитрий Валериевич социологии и управления персоналом,
декан социолого-психологического факультета,
Ивановский государственный университет.
dima75ru@yandex.ru

КАРЛЯВИН кандидат юридических наук, доцент,
Иван Юрьевич заведующий кафедрой
гражданского права,
Ивановский государственный университет.
civilis.iv@mail.ru

КОГАЛОВСКАЯ кандидат психологических наук,
Анна Сергеевна доцент кафедры социальной работы,
Ивановский государственный университет.
askogal@yandex.ru

КРУГЛОВА кандидат психологических наук,
Елена Александровна доцент кафедры психологии,
Ивановский государственный университет.
kruglo-e@mail.ru

- ПАНКРАТОВА** кандидат социологических наук, доцент кафедры
Екатерина социологии и управления персоналом,
Владимировна Ивановский государственный университет.
e_v_pankratova@mail.ru
- ПОПЕЛЬ** кандидат психологических наук,
Нина Валерьевна доцент кафедры психологии,
Ивановский государственный университет.
nine1@mail.ru
- РАСКУМАНДРИНА** кандидат психологических наук,
Марина Евгеньевна доцент кафедры психологии,
Ивановский государственный университет.
raskym@mail.ru
- СМИРНОВА** кандидат социологических наук, доцент
Инна Николаевна кафедры социологии и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
kodina_inna@mail.ru
- СОКОЛОВА** магистрантка 2-го курса кафедры всеобщей
Светлана Викторовна истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
sokolova.svetos@yandex.ru
- СТРАШНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Сергей Леонидович заведующий кафедрой журналистики, рекламы
и связей с общественностью,
Ивановский государственный университет.
sstrashnov@yandex.ru
- ЧЕРНОПЕРОВ** доктор исторических наук, доцент,
Василий Львович заведующий кафедрой всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2017. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина,*
О. В. Батова, О. В. Боронина
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 10.04.2017 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 95. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

